

СМОТЯЩИЙ ВО ТЬМУ

ЛЕТОПИСЬ БЕСПОЛЕЗНОГО

ТОМ III

ДОМ ТАМ, ГДЕ ЖДУТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Смотрящий тьму

Летопись бесполезного.

Том 3. Дом там, где ждут

<https://litres.ru/74059511>

SelfPub; 2026

Аннотация

Наари.

Город-храм народа нагов.

Город, где тысячи голосов сливаются в волю народа.

Город, способный накормить десятки тысяч беженцев и изменить судьбу целого королевства.

Сюда прибывает Илья Кравцов вместе со своими спутниками после похода Пепельного.

Но мирная гавань оказывается далеко не такой простой, как выглядит со стороны.

Потоки переселенцев, дворфийские торговые дома, древние традиции нагов и интересы целых народов постепенно сплетаются в узел, который становится всё труднее развязать.

И пока большинство жителей занято повседневными заботами, над континентом уже начинают собираться тучи грядущих перемен.

Содержание

Предисловие	4
Глав 1. Плен	5
Глава 2. Те, кто несут слово	25
Глава 3. Обещания	42
Глава 4. Хлопоты	61
Глава 5. Колеса и бурундуки	82
Глава 6. Медобородые	105
Глава 7. Водосброс	133
Глава 8. Дни обнаженного камня	157
Г	176
Конец ознакомительного фрагмента.	177

Смотрящий во тьму Летопись бесполезного. Том 3. Дом там, где ждут

Предисловие

*Пройдя сквозь тьму, достигнув света,
Оставь в себе клочок заката.
Мрак может стать тебе спасеньем,
Когда невыносимым будет свет.
Смотрящий во Тьму.*

Глав 1. Плен

Перед внутренним взором вспыхнуло — как тогда.

Засада. Окружение. Слишком тихо — а потом сразу слишком поздно.

Илья резко оглянулся и отступил назад, к людям. Змеи не бросались — держали дистанцию, надвигались следом мягко, без суеты, как будто знали, что спешить некуда.

Сзади уже подтянулись люди — с десятков бойцов. Они встали плечом к плечу, замыкая круг.

Плохо. Слишком много противников вокруг.

Он быстро прикинул расстояние до леса и сразу отбросил мысль. С девчонками на спине — не уйти. Даже если провётся, их просто догонят.

Странно было другое — змеи не спешили убивать.

Крики людей разносились по кругу, срывались на хрип, и им отвечало ровное, тянущееся шипение.

Сея крепче обхватила его за шею одной рукой, второй нащупала ладонь Реи и сжала.

Рея, напротив, не пряталась. Она выглядывала из-за плеча орка с откровенным интересом, шурясь, словно пыталась рассмотреть противника получше.

— Не высовывайся, — коротко бросил Илья.

Девочка не ответила. Она смотрела на змей и улыбалась.

Для неё он был не человеком и не орком — не тем, кто

боится и считает шансы. Энтон. Тем, кто разберётся.

Оставалось только ждать.

Бойцы нервно переглядывались, сбивались плечами плотнее. Девочки за спиной не унимались — ёрзали, шептались, тянулись посмотреть.

Нагов становилось больше.

И вдруг толпа разошлась, освобождая проход.

Вперёд вышел отличающийся от ранее виденных землянином змееелюдов.

Высокий, почти вровень с Ильёй. Кожа — тёмно-фиолетовая, будто в неё добавили сажи. Он стоял на двух ногах, но из копчика уходил вниз тяжёлый змеиный хвост.

За его спиной тянулись тонкие цепи светлого металла, уходя к посохам других нагов — тех, что ползли на хвостах.

Их было двенадцать.

Они разошлись веером, синхронно, и шестигранные наконечники посохов поднялись, замерев, направленные на отряд.

Так держат не копья — так целятся.

Илья почувствовал это сразу.

Наг расправил капюшон на шее, расширился, став шире в плечах, как варан, и зашипел.

Звук был странный: часть его не слышалась, но ощущалась. Зубы свело, в голове по мозгу будто провели наждачкой.

Сзади кто-то выругался и пошатнулся.

Наг смотрел долго, не спеша, и не отдавал приказ — хотя всё уже было готово.

Справа от их круга началось движение. Из травы выводили людей — разоружённых, сбитых в группы по пять.

Их усаживали на землю, и рядом с каждой группой оставался один конвоир с копьём.

Почти обнажённый наг — с двумя руками и длинным телом. Одежды минимум: на хвосте — что-то вроде мешка с завязками.

Приглядевшись, Илья заметил: у всех был прикрыт кончик хвоста.

Ни крика, ни суеты — просто работа, будто всё уже было решено заранее.

Из зарослей вышел ещё один отряд — такие же цепи, те же посохи. Они вели пленных. Илья сразу узнал капитана, Тарса, Лианну и ещё двоих солдат. Живы.

Внутри что-то окончательно встало на место. Если даже они сдались — сопротивление закончилось.

Наги подползли ближе. Копья поднялись — не угрожая, а указывая. Бросить оружие.

Илья на секунду задержался, потом отбросил дубину. Почти сразу зазвенело железо — бойцы последовали примеру.

Рея первой сбросила пращу, Сея — рогатку. Затем, переглянувшись, они вытащили и бросили по кинжалу. Илья невольно скосил взгляд — вот уж кого он не ожидал увидеть вооружёнными.

Копья снова двинулись — теперь уже вниз, на девочек. Спуститься.

Илья коротким движением руки отбил наконечник.
— Нет.

Высокий наг сразу перевёл на него взгляд. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. Потом Илья развернулся и пошёл туда, где уже рассаживали пленных.

Проходя мимо, не глядя на нага, тихо сказал на русском:
— Только попробуйте... концлагерь тут устроить.

Ответ пришёл сразу — на орочьем, с лёгким шипением, но чисто:

— Черовеческого не знаю. Орчий знаю. Передай: пока срушаются — живы.

Илья не остановился.

— Человеческого тоже не знаю, — так же ровно ответил он. — Я вестник карающей орды. Иду к их королю, чтобы решить спор.

Наг чуть склонил голову.

— Как твоё имя?

— Илья.

— Ирря? Не похоже на орка... — он на мгновение задержал на нём взгляд. — Впрочем, не мне судить. Иди к правным людям. Пойдёте вместе.

Илья подошёл к группе “офицеров” и уже собирался сесть рядом, как наги тут же двинулись вперёд.

Копья ударили в спины — не остриём, тупым концом.

Подгоняют.

Люди не спорили. Быстро поднялись и начали выстраиваться в колонну.

Пошли.

Сначала по узкой тропе, протоптанной в траве, потом она вывела на дорогу — выложенную ровными шестигранными плитами. Камень был тёмный, гладкий, будто отполированный тысячами таких же проходов.

Колонна потянулась к мосту через реку.

Илья машинально огляделся.

Пойма была разбита на ровные грядки. На них густо росло что-то зелёное, примерно по колено человеку — аккуратно, почти одинаково, как под линейку.

Между грядками двигалось нечто.

Длинное. Толстое. Почти с него ростом.

Тело — как у червя, сегментированное, влажное. Оно медленно ползло вдоль рядов, оставляя за собой мокрый след. С боков и снизу из него сочилась густая жижа, разбрызгиваясь на растения.

Спереди — морда, если это вообще можно было так назвать. Из неё тянулись длинные гибкие усики, которые перебирали зелень, цепляя и вырывая то, что ему было нужно, вероятно сорняки.

Илья прищурился.

Биологический культиватор.

Он провёл взглядом дальше — в стороне двигались ещё

такие же. Пять, может больше.

Ни одного нага рядом.

Работают сами.

Колонна шла ровно. Без криков, без суеты.

Охрана держалась по бокам. Те самые стрелки с посохами — два отряда. И рядом с каждым — их старшие.

Теперь, в движении, Илья смог рассмотреть их лучше.

Цепи не просто тянулись за ними.

Они уходили прямо в спину.

Вживлены.

А те, кто держал посохи, постоянно перебирали эти цепи — то подтягивали к себе, то отпускали, подстраиваясь под расстояние.

У моста дорога расширилась.

Каменные плиты разошлись в стороны, и пространство впереди открылось шире, чем всё, что Илья видел до этого. Там уже стояли повозки.

В них были впряжены существа, больше всего похожие на варанов — длинные, приземистые, с мощными лапами и толстыми хвостами. По трое в каждую упряжь. Они стояли спокойно, почти неподвижно, лишь изредка поводя головами.

Сами повозки выглядели странно. По центру каждой возвышалась деревянная ферма — высокая, жёсткая, как для перевозки стекла или чего-то хрупкого.

Наги-стрелки начали забираться на них без лишних ко-

манд — быстро, привычно.

Следом подтянулись их старшие. Те занимали место ближе к центру, у переднего зверя, словно «седлали» его, хотя никаких узд или седел видно не было.

Стрелки рассаживались по фермам, не выпуская посохов из рук. Даже сверху они продолжали держать колонну под контролем.

Когда все заняли свои места, над повозками начали раскрываться тенты. Плотная ткань натянулась на каркасах, отбрасывая тень. Солнце к этому времени уже ощутимо припекало.

Илья машинально прищурился.

Похоже, змеи его не любили.

Колонну пленных направили между повозками — одна впереди, другая сзади.

Их группа оказалась зажата между ними.

Движение не прерывалось.

Они вышли на мост.

Он оказался длиннее, чем должен был быть в таком месте. Намного длиннее. Каменный, широкий, ровный. Деревянной была только крыша — та самая, что тянулась над дорогой, защищая от солнца.

Колонна потянулась вперёд, и с каждым шагом становилось ясно — это не временное сооружение.

Это дорога, по которой ходят постоянно.

На середине моста Илья заметил, что дорога разделена.

Навстречу им шёл караван.

Полоса была выделена плитами другого оттенка.

Караван тянулся медленно. Повозки были нагружены тюками, обвязаны ремнями, сверху всё теми же деревянными фермами. Но бойцов внутри не было — только груз.

Тянули их другие твари.

Длинные, мясистые, словно вытянутые сардельки. Под брюхом — сотни коротких острых ножек, они частили по камню так быстро, что местами выщелкивали искры.

На морде — три глаза: один сверху, два по бокам.

Рот раскрывался время от времени — внутри мелькали ряды пластинок, как жернова, перетирающие всё подряд.

Никто их не вёл.

Впереди каравана двигался всадник на варане. У стремени в специальном гнезде был закреплён флаг — плотный, тяжёлый, с тёмным знаком, который Илья не разобрал на ходу.

На замыкающей повозке ехали пятеро нагов — верх у них был почти человеческий: плечи, руки, головы держали выше, чем у остальных. Они внимательно смотрели на колонну пленных.

Конвоиры сразу среагировали. Те, что шли рядом с людьми, повели копьями, прижимая колонну ближе к краю своей полосы.

Никто не ускорился.

Никто не остановился.

Два потока просто разошлись.

В толпе Илья заметил её не сразу.

Колонна шла плотно, люди сбивались плечами, кто-то спотыкался, кто-то шёл, уставившись под ноги. Он скользил взглядом по лицам — и вдруг зацепился.

Лира.

Ниже остальных, зажата между двумя мужчинами. На руках ребёнок, прижат к груди. Она шла, глядя вперёд, но в какой-то момент подняла глаза — и увидела его.

Он не сразу поверил.

Здесь?

Девчонки на спине притихли. Руки вцепились в ветки, вставленные в броню. Даже Рея больше не крутилась — обе смотрели вокруг, жадно, молча.

Илья начал смещаться.

Не резко. По шагу. В такт колонне. Чуть влево, потом обратно, обходя людей. Стараясь не выбиваться из общего движения.

Лира тоже двинулась.

Сначала неуверенно, потом быстрее. Она пряталась за более высокими, ныряла между спинами, сжимая ребёнка одной рукой.

Ещё немного — и он вышел бы из своей группы.

Зашипели.

Копья сразу двинулись. Удары древками — в икры тычки в поясицу. Короткие, точные.

Не предупреждение.

Приказ.

Илья остановился. Медленно вернулся на своё место.

Видят.

Лиру не тронули.

Она проскользнула между людьми, почти не пригибаясь, и оказалась рядом с ним. Ребёнок у неё на руках тихо сопел, уткнувшись в ткань.

Несколько шагов они шли молча.

Потом она заговорила.

— Ты был прав... — тихо, сбиваясь. — Про преследование. Я... не в обиде.

Она сглотнула.

— Ты сделал больше, чем любой. Хоть дворф. Хоть эльф.

Илья скосил на неё взгляд, но не ответил.

Она говорила дальше.

— Старший, мой сыночек... и он... — голос сорвался. Она сжала ребёнка сильнее, тот недовольно замурлыкал что то на своем детском. — Похоже, их нет.

Слова дались ей с трудом, но она не остановилась.

— Младшая со мной. — Она чуть качнула рукой, показывая. — А среднего Дина снова забрали орки.

Короткая пауза.

— За него не боюсь. Там есть кому смотреть.

Слова начали идти быстрее. Как будто если остановится

— не сможет продолжить.

Илья перебил:

— Как ты здесь оказалась?

Она вдохнула, выдохнула, собралась.

— Ночью. После того как тебя отправили... — она на секунду прикрыла глаза. — Наги пошли на штурм. Почти взяли Ишту.

Колонна качнулась, но она удержалась, не сбившись.

— Меня отрезало от наших. Мы уходили через пролом. По верёвке. Вниз, в город. С людьми. Много.

Она говорила быстро, но ровно, стараясь держать мысль.

— Прятались до утра. В развалинах. Бой шёл всю ночь.

Она замолчала на шаг, потом продолжила:

— Утром стало хуже.

Илья повернул голову чуть сильнее.

— Над стенами появились черви. Огромные. — Она сжала губы. — Я таких не видела.

Илья ничего не сказал, только слушал.

— С ними дрались все. Гарнизон. Орки.

Она посмотрела на него, коротко, проверяя реакцию.

— Орки пришли за людьми. Чтобы все стали их думп.

Илья кивнул один раз.

Она продолжила:

— Когда всё закончилось... орки отпустили воинов. Дали

собрать вещи. Командант ушёл с ними. В степь. С остальными людьми.

Колонна снова сделала поворот. Люди сбились плотнее, их сжали с боков.

— Мы ушли с беженцами, — сказала Лира тише. — Через лес. Долго. Без дороги.

Она перевела дыхание.

— Пока не вышли на караван.

Она замолчала.

Шла рядом, глядя вперёд.

Ребёнок у неё на руках тихо шевельнулся.

Илья ничего не ответил, продолжая идти и думая о своём.

Лира рядом сначала притихла, но ненадолго. Она снова заговорила, уже сбиваясь, слова цеплялись друг за друга. Она говорила о том, как надеялась хотя бы для младшей дочери вырвать другую судьбу — без рабства, без страха, без вечной зависимости от чужой воли. Говорила, что готова была на всё, лишь бы девочка выросла свободной. Но и здесь всё повторилось.

Голос её дрогнул, и дальше она уже не говорила, а всхлипывала. Сначала тихо, затем всё громче, не сдерживаясь. Ребёнок на руках завожился и вскоре поддержал мать тонким плачем.

Колонна продолжала идти, не сбиваясь с ритма.

Илья отметил, что наги на неё смотрят. Несколько раз повернули головы, явно фиксируя происходящее. Но никто не вмешался. Ни удара, ни окрика — просто наблюдали.

Он отвёл взгляд.

Мысли вернулись к своему.

Миссия закончилась. Не дойдя даже до середины. Всё, ради чего он сюда шёл, оборвалось так же глупо, как и раньше.

Снова мимо.

Снова не там.

Снова он — лишний. Осколок чужого мира, застрявший среди этого средневекового хаоса.

Колонна вышла к застройке, и Илья невольно поднял голову.

Дома здесь были низкими, приземистыми, с округлыми стенами и без чётких углов. Два, иногда три уровня, словно слепленные из одного куска. Окна — отверстия, разбросанные в самых неожиданных местах. Отдельные строения срастались между собой, образуя целые блоки.

Сверху всё это накрывали двускатные крыши на высоких опорах. Края крыш были загнуты вверх, а под ними текла вода. Настоящие потоки — от акведуков, переброшенных между зданиями. Вода шла по каналам прямо в теле конструкции, а затем срывалась вниз в нескольких точках, падая в каменные чаши у основания.

Небольшие водопады разбрызгивали прохладу, контрастируя с жаром, который уже начинал давить сверху.

Мысль всё же вернулась.

Он не был совсем бесполезен. Три десятка жизней он вытащил. Не так уж мало для человека, который здесь чужой.

Колонна прошла под колоннадой, поддерживающей очередную акведук, и пошла дальше. Змей вокруг становилось больше. Они появлялись с боковых проходов, сползали с крыш, занимали позиции у дороги.

Застройка менялась.

Появились отдельные здания, огороженные низкими каменными заборчиками. Чёткие формы, ровные линии. Крыши у них уже не несли воду — поток подавался с краю участка, по отдельным каналам.

Дальше пошёл камень.

Полигональная кладка, плотная, подогнанная без щелей. Некоторые здания поднимались на пять, шесть этажей, нависая над дорогой.

И над всем этим росла пирамида.

Она поднималась из города медленно, но неотвратно, закрывая собой небо. Солнце уходило за её грань, и внизу становилось заметно темнее.

Колонна шла ещё долго. Километры тянулись один за другим, пока дорогу резко не развернули в сторону реки.

Повозки разошлись в стороны.

Стрелки начали спускаться, цепи звякнули, натянулись. Они быстро занимали позиции по краям площадки — утоптанной до твёрдости камня. Перед ними тянулась невысокая

стена.

Илья огляделся.

Повозок со стрелками было больше, чем казалось сначала. Две он видел прямо сейчас, ещё несколько стояли дальше.

Пять десятков — не меньше.

Столько же копеечников.

И ещё пара громил с косами, стоящих чуть в стороне.

Остальные наги уже уходили дальше, к пирамиде, не задерживаясь.

В стене было две двери, закрытые на засовы.

Основную массу пленных начали выстраивать у правой. Их группу — с капитаном, Лианной и остальными — повели к левой.

К ним в строй влился ещё один человек — в серой хламиде, молчаливый, с опущенной головой.

Перед входом Илье пришлось остановиться.

Он снял девочек со спины, осторожно поставил на землю. Затем начал выдёргивать ветки, вплетённые в броню. Они держались крепко, пришлось повозиться.

Наги не торопили.

Ждали.

Когда он закончил, их пропустили внутрь.

Он вошёл последним, придерживая девочек за головы, чтобы не толкались и не смотрели по сторонам.

Внутри было светло.

Узкие окна под самым потолком пропускали достаточно света, и с его ростом Илья мог спокойно заглядывать в них, если бы захотел.

Помещение оказалось пустым.

Ни лежанок, ни утвари.

Только по центру тянулись деревянные фермы — высокие, до самого потолка, назначение которых сразу было неясно.

В дальнем конце стояла каменная тумба. По ней текла вода, срываясь вниз в чашу у основания.

Илья задержал на этом взгляд.

Ясно. Сортир.

Дверь за ними закрыли, засов лег глухо. Снаружи ещё какое-то время тянулся тихий шорох — не шаги, а скольжение, сухое трение чешуи о поверхность. Потом стихло.

Они остались одни.

В помещении стало тихо, только вода у дальней стены падала в каменную чашу и редкие голоса перекачивались по своду. Люди расселись кто где: вдоль стен, ближе к фермам, прямо на полу. Илья устроился так, чтобы видеть дверь и держать девчонок рядом.

Время тянулось медленно.

Над желобом в стене сдвинулся камень. Открылось узкое окно. Сначала в помещение вошёл запах — резкий, рыбный. Потом по желобу потекла густая зеленовато-коричневая масса, с комками, липкая, тяжёлая. Она расплзлась по камню

и остановилась.

Никто не двинулся.

Люди смотрели. Кто-то отвёл взгляд, кто-то поморщился. Илья даже не приблизился. Девчонки прижались к нему, морща носы.

— Не трогать, — тихо сказал он.

И не пришлось повторять.

Прошло время. Поток не возобновлялся. Еда осталась лежать в желобе, постепенно теряя вид, но никто к ней так и не подошёл.

Потом в том же проёме снова что-то сдвинулось. По желобу пошла вода — чистая, холодная. Она смыла всё, утащила остатки к сливу у стены. Камень вернулся на место, и запах ушёл вместе с водой.

Словно ничего не было.

Позже, когда стало ясно, что их не дергают каждую минуту, люди начали по одному отходить к тумбе с водой.

Лианна тянула дольше остальных. Сидела, глядя в пол, потом всё-таки поднялась. Попробовала встать так, чтобы её меньше было видно, выбирала угол, закрываясь от взглядов.

Не вышло.

Она всё равно пошла — быстро, сжавшись.

Девчонки смотрели внимательно. Потом переглянулись и сорвались с места, едва не столкнувшись друг с другом.

Илья дернулся было подняться — закрыть, встать перед ними — и остановился. Дети. Кому они здесь нужны.

Он отвернулся.

К вечеру стало холоднее. Камень тянул сыростью, от воды у стены шёл прохладный воздух. Люди начали сбиваться кучнее, садились вплотную, подтягивали ноги, прижимались плечами.

К ночи легли плотной кучей, греясь друг о друга.

Илья взял девчонок к себе. Обе уже дрожали. Он посадил их под руки, прижал к бокам, накрыл собой. Через некоторое время дрожь ушла, дыхание выровнялось.

Он пытался поговорить с остальными — спрашивал про Ишту, про бой, про тех, кто выжил. Ему отвечали, много, перебивая друг друга, но он ловил только обрывки.

— Ишта... победа...

— демоны...

Остальное проходило мимо.

Он замолчал.

Девчонки почти не говорили. Шептались между собой, тихо, потом и это стихло.

Ночью помещение не согрелось. Камень оставался холодным, воздух сырым. Кто-то ворочался, кто-то тихо стонал во сне.

Илья не отпускал их.

Даже когда сам провалился в сон под этот же тихий, шуршащий звук — где-то за стеной кто-то снова проползал, и чешуя шла по почве ровным, сухим скрежетом.

Илья проснулся еще до рассвета.

Сначала в сон пробился звук. Частый, сухой — чешуя скользила по камню. Снаружи двигались. Много. Быстрее, чем до того как он заснул.

Спустя какое то время он открыл глаза.

В помещении было серо. Свет ещё не доходил напрямую, но потолок уже начал светлеть — рассвет пробивался откуда-то сбоку, отражаясь от камня.

Девченки всё ещё спали, прижавшись к нему. Он осторожно шевельнулся, прислушался.

И тогда услышал другое.

Глухой удар.

Пауза.

Ещё один.

Ровный ритм, тяжёлый, как будто били в большой барабан где-то в стороне. Звук шёл через камень, не глох, а наоборот — держался, заполняя всё вокруг.

Раз.

Два.

Три.

Он продолжался несколько минут, не сбиваясь.

И с каждым ударом движение снаружи становилось плотнее. Шорохи множились, скольжение усиливалось, кто-то проходил прямо за стеной, почти вплотную.

Потом барабан стих.

Но тишины не стало.

Наоборот — вокруг зашевелилось ещё сильнее.

Илья окончательно проснулся. Аккуратно тронул девчонку.

— Подъём.

Они дёрнулись, не сразу понимая где находятся.

В этот момент засов снаружи резко ударил.

Дверь распахнулась.

Свет ворвался внутрь вместе с потоком движения и шорохом чешуи.

В проёме мелькнули силуэты.

— Выходить! Быстро! — прошипели на орчьем.

Глава 2. Те, кто несут слово

Зал Слова в Наари. Утро следующего дня после пленения.

Его выращивали под назначение, как выращивают нужное тело для нужной воли. В каждом городе-храме такой зал создавался по одному древнему проекту, и потому любой, кто хоть раз входил в подобное место, сразу понимал: здесь говорят не для ушей. Здесь говорят для памяти, для расчёта и для силы.

Помещение было не слишком высоким — всего около пяти метров, — но тесным оно не казалось. Пространство держалось не высотой, а ритмом. Тонкие каменные столбы, увитые живыми побегами и мелкими цветами, уходили к потолку ровными рядами, разбивая зал на строгие проходы. В их стройности было что-то храмовое, но без человеческой тяжести. Здесь не давили камнем сверху. Здесь разуму оставляли место течь.

Западная стена была прорезана длинной узкой щелью почти по всей длине. Свет входил через неё не потоком, а вытянутой полосой, и потому в зале всегда держался мягкий полумрак. Утреннее солнце, пока стояло низко, било в прорезь слишком резко и считалось вредным для беседы — ослепляло взгляд и торопило мысль. Позже, когда свет ложился уже не прямо, а скользил вдоль внутренней поверхности стены, наступало правильное время. Время, когда разум более не

шурился, но ещё не начал клониться ко сну.

Пол Зала Слова был собран из множества камней — крупных, мелких, вытянутых, почти круглых, неправильных. Их верхушки были срезаны в один уровень, так что ходить по ним было удобно, но сами камни не прилегали друг к другу вплотную. Между ними, в тонких щелях, текла вода. Она шла по всему залу бесконечной сетью прозрачных жил, отражая полосы света, колонны, листья и лица. Вода приходила от престола, от двух потоков, падавших по его сторонам, и потому любое движение в верхней части зала рано или поздно отзывалось дрожью бликов под ногами.

Престол владыки Наари возвышался на два человеческих роста над полом и был выдвинут вперёд под углом, так, чтобы сидящий на нём не прятался в глубине, а будто был вынесен к тем, кто вошёл. Каменная плита, на которой покоилось место владыки, уходила вперёд и вниз мощным выступом, а по двум её сторонам срывались водопады. Они скрывали бока возвышения живой завесой. Для постороннего взгляда — лишь украшение и знак достатка. Для тех, кто понимал устройство пирамид, — встроенный в пьедестал запас воды для защитной работы щита.

В спинку престола были вмонтированы два металлических столба. Каждый — толщиной в бедро взрослого копейщика. Руны на них шли вертикальными поясами, а между рунами тускло и глубоко мерцали драгоценные камни вперемешку с кристаллами аспектной маны. На столбы был надет

широкий круг, обтянутый плотной тканью редкой выделки и набитый мягким наполнителем. Издали конструкция напоминала грубую букву П, если бы её перекладину заменили кольцом. На этом кольце и покоился владыка — не развалившись и не восседая тяжело, а удерживая тело в позе, которая казалась одновременно покоем и готовностью.

Шеар-Тир'Мел, повелитель Наари, сидел неподвижно.

Его тело почти повторяло человеческое, но только почти. Светло-зелёная с желтоватым отливом кожа была покрыта по всему телу мелкой, едва заметной чешуёй. Голова сохраняла пропорции, удобные для речи и мимики, но линии лица были уже иными: не человеческими и не звериными, а принадлежащими существу, для которого оба эти понятия слишком грубы. Светло-аметистовые глаза смотрели прямо и без суеты. Из-под складок хламиды — дорогой, многослойной, сдержанной по крою и потому особенно внушительной — уходил вниз хвост с усечённым кончиком. Ни одного лишнего движения он не делал.

Он ждал.

Не потому, что переговоры зависели от его нетерпения, а потому, что в этом зале даже ожидание было частью обряда.

У подножия возвышения, на расстоянии, достаточном для почтения и недостаточном для угрозы, стоял служка-хвостополз. Его роль была мала, но именно такие роли держали форму мира. Дождавшись, когда свет в прорези стены смягчился окончательно, он ударил концом жезла в камень пола.

Звук получился негромким. В Зале Слова не любили громкого.

— Солнце более не ослепит разум, — провозгласил он. — Зал открыт для речи.

Каменные ворота начали подниматься почти без скрипа.

Их было четыре: две пары, расположенные напротив друг друга. Это тоже не было прихотью строителей. Войти в Зал Слова и выйти из него следовало по осмысленному пути. Кто проходит через неверную створку, тот либо не знает обычая, либо демонстративно отвергает его. И то и другое запоминается.

Первыми открылись дальние ворота.

Из полумрака прохода показалась делегация Шеар Мар-Ду.

Впереди шёл Глас — высокий, человекоподобный наг с лицом, в котором человеческого было чуть больше, чем у большинства Высших. Он двигался плавно, с выверенной мерой шага, не ускоряясь и не замедляясь ни на долю. За ним, по обе стороны, держались двое крушителей в церемониальной броне. Их доспехи не предназначались для боя в тесном строю, но были достаточно реальны, чтобы никто не принял их за чистую роскошь. Камни на наплечниках и нагрудных пластинах сидели в оправе так же прочно, как заклёпки на походном панцире. Следом шёл ведущий — офицер делегации, державший штандарт.

Тяжёлое древко он нёс не на плече и не перед собой, а

строго вертикально, обеими руками, как предписывал обряд. Навершие штандарта было выполнено в форме сложного водного узла, заключённого в металлический каркас, и внутри него мерцала связанная воля города.

Когда штандарт Шеар Мар-Ду пересёк первую линию пола Зала Слова, вода между камнями отозвалась сразу.

От древка вперёд и в стороны пошло глубокое рубиновое свечение.

Оно не вспыхнуло и не ударило в глаза. Оно растеклось по водным жилам пола мягко, но неумолимо, словно сама пирамида приняла и признала внесённый знак. Вокруг делегации начал собираться ореол. Сперва яркий, насыщенный, почти густой. Затем, дальше от него, — более бледный, но того же рубинового оттенка.

В Зале Слова не нужно было объяснять, что это означает.

Яркое поле показывало число пробуждённых душ нагов, уже поднятых в тела, уже ставших рукой, голосом, копьём и волей города. Бледное — тех, кто ещё оставался потенциальным, чьё пробуждение возможно, чья сила ещё не вошла в движение, но уже принадлежала будущему.

У Шеар Мар-Ду бледный ореол был не слишком велик. По площади — скромен. Зато почти весь он был заполнен яркостью. Это был знак города, который уже ввёл в оборот почти всё, чем располагал. Сил немного. Но они не спят.

Шеар-Тир'Мел на престоле не шевельнулся.

Вторые дальние ворота поднялись лишь после того, как

рубиновое сияние заняло своё место на полу.

Через них вошла делегация Шеар-Тал'Риана.

Её Глас был тоньше в плечах, чуть ниже ростом, но держался так, будто за его спиной стоит не меньшее право. За ним следовали двое крушителей — в броне более светлой, с преобладанием водных и зелёных камней, — и ведущий со вторым штандартом.

Когда бирюзовое древко вступило на камень Зала, вода отозвалась иначе.

По полу побежал холодный бирюзовый свет.

Он разошёлся быстрее рубинового, мягче лёг по водным жилам, и его бледный ореол почти втрое перекрыл по площади тот, что принёс Мар-Ду. Но яркое ядро внутри этого поля оказалось заметно меньше. Настолько, что различие читалось без счёта и без слов.

У Шеар-Тал'Риана было больше спящих возможностей.

У Шеар Мар-Ду — больше уже воплощённой воли.

Оба Гласа увидели это в ту же секунду, как и все присутствующие.

И именно потому ни один не позволил себе даже поворота головы в сторону чужого сияния.

Шум в Зале Слова считался признаком неразумия. Лишний жест — тоже. Здесь силу показывали не тем, что ты заметил, а тем, что тебе не нужно это подтверждать.

Обе делегации двигались к центру по разным проходам, выдерживая предписанную дистанцию. Вода под нога-

ми дробила рубиновый и бирюзовый свет, превращая их в сеть переплетённых бликов. Камни пола оставались серыми, но казалось, будто сам зал ненадолго обрёл два сердца, бьющихся в разном ритме.

Остановились они там, где предписывал знак на центральной линии пола, едва заметный под водой.

Первым заговорить не спешил никто.

Так и должно было быть.

В Зале Слова младший не стремился перекрычать старшего. Старший не унижался поспешностью. А тот, кто был лишь носителем воли другого, обязан был помнить: его слова тяжелы не его языком, а тем, что за ними стоит.

Служка-хвостополз снова опустил жезл.

— Гласы Шеар Мар-Ду и Шеар-Тал'Риана вошли под взгляд Наари. Их право речи признано. Их мера силы явлена. Их путь не оспорен.

Только теперь один из водопадов у престола чуть изменил течение. Всего на миг. Недостаточно, чтобы посторонний принял это за знак. Но оба Гласа поняли: владыка Наари дал знать, что слышит их и не нуждается в повторном приглашении к беседе.

Первым склонил голову Глас Шеар Мар-Ду.

Неглубоко. Ровно настолько, чтобы соблюсти порядок и не отдать лишнего.

— Я несу слово Шеар Мар-Ду.

После него, с такой же мерой, поклонился Глас Ше-

ар-Тал'Риана.

— Я несу слово Шеар-Тал'Риана.

Только тогда Шеар-Тир'Мел отвёл взгляд от полосы света на западной стене и опустил его на тех, кто пришёл говорить.

И в зале, полном воды, камня, цветов и приглушённого света, стало ещё тише, чем прежде.

— Тогда говорите, — произнёс он.

Ни громче, ни медленнее, чем следовало.

Но по тому, как рубиновый и бирюзовый ореолы дрогнули в водных прожилках пола, стало ясно: теперь каждое слово в этом зале будет иметь цену.

Вода меж камнями замерла.

Не остановилась — но будто перестала спешить.

Первым заговорил Глас Шеар Мар-Ду.

Он не поднимал взгляда ни на владыку, ни на второго Гла-са. Слова шли ровно, почти спокойно. Но в их ровности была плотность.

— Вода, что не уходит, становится тяжёлой.

— Тяжёлая вода давит на камень.

— Камень, не сбросивший лишнего, трескается.

Пауза.

Рубиновый ореол под его ногами едва заметно уплотнился.

— Есть миры, что ждали слишком долго.

— Их память стала грузом.

— Их сила — неподъёмной.

Он сделал шаг. Не вперёд. В сторону.

Так, чтобы свет его штандарта лёг шире по воде.

— Мы видим трещины раньше других.

— И потому не боимся назвать их трещинами.

Тишина не нарушалась.

Она принимала слова.

Глас Шеар-Тал’Риана не спешил отвечать.

Он стоял неподвижно так долго, что рубиновый свет успел полностью занять своё место в рисунке воды.

Только после этого он слегка повернул голову — не к Мар-Ду, а к линии света на стене.

— Вода, что уходит вовремя, не разрушает берега, — произнёс он.

Голос его был мягче.

Но не слабее.

— Камень, что знает своё место, не боится веса.

— И трещина не всегда означает конец.

Бирюзовый свет под его ногами лёг шире. Но остался бледным.

— Есть миры, что пережили ожидание.

— Их память не стала грузом.

— Она стала формой.

Пауза.

Длиннее первой.

Вода между камнями тихо изменила направление в нескольких местах. Почти незаметно.

— Видеть трещины — не значит понимать их цену.

Мар-Ду не ответил сразу.

Он чуть наклонил голову.

Будто соглашаясь.

И в этом согласии было больше давления, чем в отрицании.

— Цена известна тем, кто платит, — сказал он.

— А не тем, кто откладывает платёж.

Теперь пауза была уже другой.

Тяжёлой.

— Есть воля, что ждёт.

— И есть воля, что берёт.

Рубиновый свет дрогнул.

— Первая сохраняет форму.

— Вторая создаёт её заново.

Он поднял взгляд.

Впервые.

— Мы не предлагаем ждать.

Эта фраза повисла в зале.

Как удар, которого не сделали.

Глас Тал'Риана не шелохнулся.

Но его хвост чуть изменил положение. Ровно настолько, чтобы это заметил тот, кто смотрит.

— Тот, кто берёт больше, чем способен удержать, — ответил он,

— теряет не только взятое.

Бирюзовый свет не усилился.

Но стал глубже.

— Когда воля идёт против течения мира,

— мир перестаёт быть опорой.

Пауза.

Очень длинная.

— И тогда остаётся только борьба.

Он не смотрел на Мар-Ду.

— Со всем сразу.

Тишина легла плотнее прежнего.

Даже вода под ногами будто стала холоднее.

Мар-Ду улыбнулся.

Едва заметно.

— Тогда тем, кто умеет бороться, остаётся преимущество.

И снова — пауза.

Но теперь уже не для обдумывания.

А для давления.

Свет в прорези стены стал ниже.

Полоса сместилась.

Служка-хвостополз сделал шаг вперёд.

Он не перебивал.

Он завершал.

— Солнце прошло границу, — произнёс он.

— Слова сказаны.

— Их смысл должен быть удержан.

Вода под ногами начала медленно возвращаться к прежнему течению.

— Настало время тишины.

Гласы не поклонились друг другу.

Не отвели взгляд.

Они просто перестали говорить.

На возвышении Шеар-Тир'Мел едва заметно кивнул.

И этого оказалось достаточно.

Врата закрылись не сразу.

Они опускались медленно, будто сам зал не спешил отпускать сказанные слова. Рубиновое и бирюзовое свечение ещё какое-то время держалось в водных прожилках, но уже

теряло насыщенность, расплываясь и уходя в прозрачность.

Когда последняя каменная плита легла на своё место, тишина изменилась.

Она перестала быть ритуальной.

Стала обычной.

Шеар-Тир'Мел долго не двигался.

Секунда. Другая.

Потом он медленно выдохнул.

Плечи опустились. Спина, до этого удерживаемая безупречно ровно, слегка согнулась, как у существа, которое позволило себе устать.

— Слишком много слов... — тихо произнёс он.

И впервые за всё время прозвучал не как владыка.

А как тот, кто вынужден им быть.

Из тени у подножия возвышения что-то шевельнулось.

Не сразу стало понятно, где именно.

Потом из-за одного из столбов, увитых растениями, выполз он.

Высший.

Но не такой, как те, что приходили с делегациями.

Его тело не было переработано под новую форму. Он остался в строении ведущего — вытянутый, гибкий, почти человеческий в верхней части и змеевидный в нижней. Но всё в нём было искажено. Чёрная чешуя ложилась неровно, с переломами линий, будто сама структура тела не раз менялась и каждый раз закреплялась не до конца.

Когда он коснулся пола, вода между камнями изменилась.

Не вспыхнула.

Не засияла.

Она потемнела.

Словно в неё пролили нефть.

Тёмное, густое отражение расплзлось по жилам пола, перекрывая остатки рубина и бирюзы. Не споря с ними — просто вытесняя.

Это было иное проявление.

Не численности.

А разницы.

Той самой, которую зал когда-то тоже научился показывать.

Шеар-Тир'Мел не поднял головы.

Он уже знал, кто пришёл.

— Ты слушал, — сказал он.

Не вопрос.

Зур-Сар остановился у основания возвышения.

Голос его был мягким. Почти спокойным. Даже тёплым — насколько это вообще возможно для существа, несущего аспект смерти.

— Я слышал достаточно.

Пауза.

Он чуть наклонил голову, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что осталось после них.

— Они говорят красиво.

Тир'Мел усмехнулся.

Коротко.

Без радости.

— Они оба хотят одного.

— Нет, — мягко возразил Зур-Сар. — Они хотят разного.

Он поднял взгляд.

Чёрные глаза не отражали свет.

— Но платят одним и тем же.

Тир'Мел наконец посмотрел на него.

Взгляд был усталым.

— Я не знаю, кто из них прав.

Это прозвучало просто.

Без маски.

Зур-Сар не ответил сразу.

Он сделал ещё одно движение вперёд, и тёмная вода под ним стала гуще.

— Это не тот вопрос, на который нужно искать ответ, — сказал он.

— Тогда какой?

Пауза.

— Кому выгодно, чтобы ты его искал.

Тишина легла между ними.

Уже без напряжения.

Словно разговор давно был начат и просто продолжился.

Тир'Мел опустил взгляд на воду.

Рубиновый и бирюзовый следы почти исчезли.

— Если Мар-Ду прав, — тихо сказал он, — мир уже треснул.

— Если Тал'Риан прав, — продолжил он, — Мар-Ду сам станет трещиной.

Зур-Сар едва заметно качнул головой.

— И в обоих случаях ты не обязан становиться частью их ошибки.

Он говорил спокойно.

Не убеждая.

Просто раскладывая.

— Пусть они тратят силу на друг друга.

— Пусть ускоряют или сдерживают.

— Это их выбор.

Тёмная вода между камнями дрогнула.

— Наш — иной.

Тир'Мел медленно выпрямился.

Не полностью.

Но уже ближе к тому, каким его видят другие.

— Великий план... — произнёс он.

— Не требует спешки, — ответил Зур-Сар.

— Он требует устойчивости.

Пауза.

— И чужих ошибок.

На этот раз Тир'Мел не усмехнулся.

Он просто кивнул.

Медленно.

— Ты был в нижнем городе.

Не вопрос.

Зур-Сар чуть сдвинул голову.

— Был.

Его голос остался таким же мягким.

Но вода у его тела стала темнее.

— Среди тех, кого привели вчера... есть интересное.

Тир'Мел прищурился.

Взгляд вернулся к вниманию.

— Говори.

Глава 3. Обещания

Всё же снаружи камеры свет был значительно ярче.

Он не просто бил в глаза — он как будто вымывал из них остатки темноты, заставляя моргать чаще, чем хотелось. Илья на секунду зажмурился, но тут же открыл глаза обратно. Задерживаться не давали.

Пленников выводили быстро. Не гнали бегом, но и останавливаться не позволяли. Любое замедление сразу чувствовалось — толчок, короткое шипение, движение продолжалось. Кто-то спотыкался, кто-то пытался оглянуться — всё это гасилось одинаково.

Их вывели на открытое пространство у подножия пирамиды.

Солнце было за ней. Огромная тёмная грань перекрывала небо, и свет шёл сбоку, скользил по камню, ломался о ступени и тела. Из-за этого всё вокруг казалось резче, чем должно быть — тени глубокие, лица частично в свете, частично в провале. Камень под ногами был тёплым, почти горячим, после сырости камеры это чувствовалось особенно.

Илью вытолкнули наружу одним из последних.

Сея и Рея сразу прижались к нему. Обе. Вцепились в штаны у колен, почти повисли. Без маскировочных веток им было не за что держаться — раньше они хотя бы сидели, теперь стояли на своих ногах, и это было страшнее.

Он не отцепил их.

Только чуть сдвинул ноги, чтобы они не мешали друг другу и не падали.

Остальных выстраивали в полукруг. Не выравнивали идеально, но общий порядок держался сам собой — под взглядами и без слов.

Илья поднял голову.

Сразу увидел.

Чёрный змеелюд стоял в стороне от остальных. Не ближе и не дальше — просто отдельно. Остальные держались с почтением и на расстоянии, будто сама дистанция была частью порядка.

Кожа и чешуйки — тёмные, почти чёрные, с матовым отливом. Черты морды — резкие, будто рубленые. Без лишних изгибов, без той плавности, к которой Илья уже успел привыкнуть у других нагов.

На нём была броня. Не парадная. Пластины подогнаны плотно, местами потёрты, но целые. Видно, что носится не ради вида.

Наг легко опирался на посох.

Навершие — череп, похоже, что змеиный.

Настоящий или нет — сразу не понять. Кость была тёмной, как будто пропитанная чем-то. Внутри — изумрудное свечение. Не яркое. Ровное. Глубокое.

Не огонь.

Илья поймал себя на том, что смотрит на него дольше, чем

стоит.

Может, это некромант?

С магией смерти он раньше не сталкивался.

Ни в степях. Ни в Иште. Ни рядом с орками, ни рядом с дворфами.

В этом не чувствовалось жизни.

Скорее наоборот.

Он перевёл взгляд на остальных.

Реакции почти не было.

Никто не рванулся.

Никто не закричал.

Кто-то напряжён, кто-то злится, кто-то просто смотрит в землю — но паники нет.

Значит, для них это не страшно.

Капитан вышел вперёд.

Чуть быстрее, чем следовало. Но остановился вовремя — не подошёл вплотную.

Сказал что-то. Коротко. С вопросом.

Змеелюд не ответил.

Даже не повернул голову сразу.

Он просто смотрел.

Медленно переводил взгляд с одного пленника на другого. Не скользил — именно останавливался. На долю секунды дольше, чем нужно для обычного осмотра. Как будто не лица запоминал, а что-то за ними.

Илья почувствовал это почти физически.

Взгляд дошёл до него.

Остановился.

Без давления.

Но и без сомнения.

Илья не отвёл глаза.

Пауза затянулась.

Он вспомнил — с ними уже говорили на орчьем.

Значит, тянуть смысла нет.

Он сделал шаг вперёд. Осторожно, чтобы девчонки не сорвались с него.

— Мы из Ишты, — сказал он.

Голос прозвучал ровно.

— Беженцы.

Змеелюд не перебил.

Илья продолжил:

— Не только беженцы. Я шёл с ними к их вождю. По делу.

— Остальные — из Ишты. Прибились позже.

Он на секунду замолчал.

— Что от нас нужно?

Змеелюд чуть склонил голову.

— То есть ты уже не идёшь к их вождю, раз Ишта разгромлена?

— Я шёл с людьми. Говорить за орков.

— Сейчас — нет.

Тишина на секунду стала плотнее.

— Ты не принимаешь решений.

— Нет.

— Кто принимает?

— Он.

Илья снова кивнул на капитана.

Змеелюд перевёл взгляд туда. Задержал. Вернул обратно.

— Переводи.

Илья покачал головой.

— Не смогу.

Пауза.

— Я не знаю человеческий.

— Кто знает?

— Есть.

— Лира.

— Где?

— В другом загоне.

Короткая пауза.

Змеелюд чуть повернул посох.

Не жест. Скорее фиксация решения.

Один из нагов подошёл к Илье и повёл его к другой двери узилища.

Ещё до того как её открыли, Илья почувствовал запах.

Тяжёлый. Густой.

Немытые тела, нечистоты, сырость.

Здесь держали других.

Когда дверь открылась, девочки почти одновременно выдали короткое «буэ», отпрыгнув на пару метров.

Воздух ударил.

Илья дёрнул головой, как от удара. На глаза выступила слеза — даже после всего, к чему он уже успел привыкнуть за этот год, это било слишком резко.

Он не стал спускаться.

Собрался, вдохнул через зубы и крикнул вниз на двор-
фьем:

— Лира!

Сначала — тишина.

Потом где-то внизу шевеление.

Спустя несколько долгих секунд послышались шаги. Тя-
жёлые. Неуверенные.

Из темноты, на лестнице ведущей под землю, показалась
Лира.

Она выглядела плохо.

Почти не держалась на ногах. Лицо серое, глаза мутные.

Не сразу поняла, где находится.

Сначала просто вышла на свет. Зажмурилась. Потом, не
глядя ни на кого, осторожно развернула свёрток в руках.

Ребёнок.

Она подставила его ветру. Дала воздуху пройти по лицу.

Сама же стояла, тяжело дыша, будто впервые за долгое
время.

Илья подошёл и взял её за плечо. Слегка встряхнул.

Лира моргнула. Сфокусировалась не сразу. Сначала на его
руке. Потом подняла взгляд выше.

Узнала.

Тем временем Сея и Рея, уже отдышавшись, снова подошли к Илье.

— Лира, — сказал он на дворфьем, — ты единственная знаешь и язык людей, и орков.

Он кивнул в сторону змеелюда.

— Похоже, это главный здесь. Надо перевести его слова капитану.

— Королём, — тихо поправила Лира.

— Хорошо, запомню.

Они вернулись.

Зур-Сар стоял там же.

Неподвижно. Под косыми лучами солнца.

Пластины у слуховых проходов едва заметно дрожали.

Он слушал.

Глаза были закрыты.

Они раскрылись в тот момент, когда Лира заговорила на орчьем:

— Я могу переводить. Людям — ваши слова.

Зур-Сар не кивнул.

Просто принял.

— Я Зур-Сар Глас владыки Наари Шеар-Тир'Мела.

Лира переводила сразу, почти не задумываясь.

— Вы находитесь в пределах города-храма Наари.

— Если вы не пришли с вредом — угрозы для вас нет.

Пауза.

— Мы — иные нага. Не те что напали на ваш город. Как другое королевство по вашим меркам.

Ли́ра передала слова.

Капитан слушал, не перебивая. Потом ответил. Резче.

Ли́ра чуть замялась, подбирая слова.

— Он спрашивает... если угрозы нет — зачем нас схватили?

Зур-Сар не изменился.

— Группа вооружённых разумных вошла в пределы города.

— Это требует проверки.

Ли́ра перевела.

Капитан ответил сразу. Уже без сдержанности.

— Он требует отпустить их.

— Они идут к дворфам. Через них — домой.

Пауза.

Зур-Сар:

— Дороги вне наших земель нет.

Он сделал небольшую паузу, давая Ли́ре перевести.

— Свободное перемещение невозможно.

— Только в сопровождении. И за оплату.

Ли́ра повторила.

Капитан не отступил. Спросил ещё.

— Сколько нам идти через ваши земли?

— Месяц и два дня до земель дворфов.

Дворфийка слушала, переводила.

Зур-Сар продолжил:

— Есть иной путь. Минуя подземное царство.

— Быстрее. За ту же цену.

Короткая пауза.

— Пройдут десять.

Лира замерла на мгновение, но всё равно перевела.

Тишина стала тяжелее.

Зур-Сар не спешил.

— Оплата — имуществом.

Он слегка повёл посохом в сторону сложенных вещей.

— Достаточно.

Капитан что-то резко сказал.

Лира перевела, уже быстрее:

— А остальные?

Зур-Сар ответил без паузы.

— Возвращаются.

Короткая пауза.

— Или оплачивают сопровождение.

— До земель дворфов.

Лира закончила перевод и опустила взгляд.

Тишина повисла между ними.

Слова Леры разошлись по строю не сразу.

Сначала — тишина.

Потом кто-то дернулся. Кто-то повернул голову.

И почти сразу заговорили.

Тихо не получилось.

Люди сбились в плотный узел. Говорили быстро, перебивая друг друга. Кто-то пытался считать, кто-то уже спорил. Капитан держался в центре, но даже вокруг него шум не утихал.

Сея и Рея прижались к Илье плотнее.

Он не вмешивался.

Просто смотрел.

Решение было не его.

Спор длился недолго.

Слишком мало у них было времени, чтобы спорить долго.

Капитан снова шагнул вперёд. Сказал что-то Лире.

Она кивнула, повернулась к Зур-Сару.

— Он спрашивает... если вещи идут в оплату, — она на секунду замялась, — чем платить тем, кто остаётся?

Зур-Сар не ответил сразу.

Секунда.

Ещё одна.

— Есть служба распределения.

Лира перевела.

— Те, кто остаётся, могут работать.

— Получать обеспечение.

— Накопить на сопровождение.

Пауза.

— Или остаться.

Последние слова Лира перевела тише.

Снова тишина.

Уже другая.

Зур-Сар продолжил.

Тем же голосом.

— Вам стоит знать ещё одно.

Лира замерла на мгновение, но всё равно перевела.

— Королевство Истар почти разрушено.

В строю кто-то резко вдохнул.

— Наги Мар-Ду начали путь власти.

Он говорил так же спокойно.

— Власть короля сломана.

— Большинство владельцев уничтожено.

Лира говорила медленнее, чем раньше.

— Жив остался младший сын. Давиан Истар.

— Тринадцать лет.

Капитан не двигался.

Но вокруг него кто-то уже не сдерживался.

— Дворяне, что остались с ним, — продолжил Зур-Сар,

— проигрывают.

Пауза.

Он перевёл взгляд.

На Лианну.

— Маг.

Слово прозвучало без обращения, но было направлено чётко.

Лира чуть запнулась, но перевела.

— Ты можешь привести сюда людей.

Тишина стала плотнее.

— Тех, кто выжил.

— Тех, кто готов работать.

Пауза.

— В обмен на защиту.

Лира сглотнула.

— От Мар-Ду.

Зур-Сар не менял тон.

— Даже с королём.

Последние слова повисли.

Никто сразу не ответил.

Слишком многое изменилось за одну минуту.

Илья коротко выдохнул.

Теперь стало понятно.

Их не просто остановили. Их уже учили и решили использовать в своей собственной игре.

Капитан заговорил сразу. Без паузы. Очень быстро взяв себя в руки для человека, который только что слышал про падение своего королевства.

Лира едва успевала за его словами.

— Он говорит... он остаётся с людьми здесь.

— А маг... — она кивнула на Лианну, — и ещё двое...

Тарс и Стурз... могут пойти.

Капитан добавил что-то ещё, уже жёстче.

Лира перевела:

— С ними ещё четверо воинов.

— Тогда платить придётся меньше.

— И у людей останется хоть что-то.

Зур-Сар слушал.

Не перебивал.

Не уточнял.

Когда Лира закончила, пауза вышла короткой.

— Число не имеет значения.

Лира перевела.

— Цена за десяток одинакова.

Капитан дёрнулся.

Сказал что-то резче прежнего.

Лира поморщилась, но всё равно передала:

— Он говорит... это несправедливо.

Зур-Сар не ответил на это.

— Условия заданы.

Пауза.

— Вы выбираете.

Лира перевела.

Капитан что-то бросил уже почти на грани.

Зур-Сар продолжил, не меняя голоса:

— Не стоит тратить силы на беспокойство.

Короткая пауза.

— Ваши тела будут обеспечены.

Лира на секунду запнулась на слове, но всё же сказала:

— Им дадут всё необходимое.

Зур-Сар:

— Питание. Вода. Защита.

Пауза.

— Работа.

Ли́ра опустила взгляд.

— Вы сможете отработать.

Тишина снова легла между ними.

Зур-Сар не стал ничего добавлять.

Щёлчок.

Ещё один.

Тихое шипение разошлось по окружению, почти незаметно, но сразу изменившее поведение тех, кто стоял вокруг. Наги не переглядывались. Никто не уточнял. Просто структура сдвинулась.

Из плотного кольца вышел связующий.

За его спиной двигались стрелки — ровной группой, почти как один организм. Их движения были синхронны, без суеты, без лишних поворотов головы. Луки уже были в руках, но не натянуты. Готовность без демонстрации.

Сам связующий отличался.

Он остановился перед людьми.

Сказал на орчем:

— Я веду по пути вод.

— Идёте за мной.

Ни вопроса. Ни ожидания ответа.

Ли́ра перевела.

Зур-Сар уже отвёл взгляд.

Как будто всё, что требовалось от него в этой точке, было завершено.

Он развернулся.

И пошёл.

Без паузы.

Без прощания.

Без подтверждения.

Охрана сразу двинулась следом.

Строй разошёлся, освобождая пространство, и почти тут же снова сомкнулся — но уже без него в центре.

Илья проводил его взглядом.

— Лира спроси у людей могу ли я пойти с ними?

Люди удивленно уставились на Илью. Лианна заговорила первой.

— Женщина маг говорит что если бы ты был один то возможно и стоило тебя взять но у тебя есть обуза.

— Какая...

И в этот момент илья осознал про кого они говорят, неужели ему опять на шею упала забота о чужих детях? мало ему было орочьих думпат. Потом спасай дворфьих, теперь еще и эти?

Илья наклонился к общей куче вещей. Недолго порылся и наконец нашёл. Достал оружие девочек. Протянул. Рея взяла первой. Сея — сразу следом. Руки у них дрожали.

Наги не вмешались.

Никто не остановил.

Никто даже не посмотрел на это как на что-то важное.

Илья выпрямился.

Посмотрел на девочек.

Поймал их взгляд.

Показал рукой в сторону леса.

Коротко.

Жёстко.

Без слов.

Они не двинулись сразу.

Секунда.

Ещё одна.

Потом он сделал шаг вперёд и подтолкнул их в спины.

Не сильно.

Но достаточно.

Сея пошла первой.

Рея — за ней.

Сначала медленно. Осторожно, будто каждый шаг нужно проверять.

Потом быстрее.

Но не ровно.

Они оборачивались.

Постоянно.

То одна, то другая.

Смотрели на него.

Каждый раз дольше, чем нужно.

Как будто ждали, что он всё-таки сдвинется.

Пойдёт.

Позовёт.

Илья не двигался.

Стоял.

Смотрел. Только на них.

Они уходили.

И с каждым шагом расстояние становилось ощутимее.

Не по земле.

Внутри.

Илья оставался на месте.

И не делал шаг.

В круг на площадь выполз другой наг.

Он отличался сразу.

Шире в теле. Тяжелее. Движения не медленные — но вязкие, как будто каждая мышца в нём работала с усилием. Линия корпуса была нарушена — живот чуть выступал вперёд. Не grotesque. Просто... не как у остальных.

И от этого он казался чужим даже среди своих.

Он остановился перед людьми.

Оглядел их.

Не так, как Зур-Сар.

Быстрее. Поверхностнее. Но внимательнее к реакции.

И заговорил на орчем:

— Ксендз.

Короткая пауза.

— Помощник распорядителя работ нижнего города.

Лира перевела.

Голос её уже звучал ровнее. Она держалась.

— Те, кто остаются под сенью великого града Наари, идут за мной.

Он чуть повёл головой в сторону.

— Остальных проводят до леса.

После этих слов никто не двинулся сразу.

Люди стояли.

Смотрели друг на друга.

Ждали, что кто-то другой сделает первый шаг.

Илья видел это.

Видел, как страх начинает расползаться.

Кто-то шагнул вперёд.

Потом остановился.

Кто-то другой дернулся назад.

Группа начала ломаться.

Не резко.

Постепенно.

Люди начали расходиться.

Часть — к связующему.

Часть — к Ксендзу.

Кто-то просто стоял, не двигаясь, как будто надеялся, что решение можно отложить.

— Я готов двигаться. Произнес Илья выискивая свою дубину в куче.

Лира не перевела.
Просто замолчала.
И смотрела мимо него.

Глава 4. Хлопоты

В неверных отсветах пламени по стенам высокого зала плясали тени.

Звук ударов металла о металл сливался в глухую, давящую какофонию.

Разгорячённые тела нагов были покрыты копотью. Периодически змеелюды соскальзывали в прохладную воду канала, тянувшегося по центру зала, и так же быстро возвращались к работе.

И лишь могучее тело орка не выбивалось из ритма.

Его удары были тяжелее. Точнее.

Он не отвлекался на жар, не искал передышки в воде.

Удар.

Ещё удар.

Каждый приближал его к цели.

Если бы не эта концентрация, он, возможно, заметил бы на уровне выше, в сумраке складских ниш, две пары высверкивающих лиловых глаз.

Но работа забирала всё.

Сегодня — лезвия глеф.

Вчера и позавчера — наконечники для копий.

Наги почти не использовали металл в мирных делах.

Только примитивная механика.

И оружие.

Свесив руки и голову с парапета второго яруса, Сея со скукой взирала на происходящее, уперев подбородок в тёплый камень.

— Рея! Зачем мы здесь? — прошипела в ухо сестре маленькая эльфа.

— Тут интересно, — тихо ответила Рея. — Мне нравится смотреть, как Ирря из камней делает все эти штуки. И вообще, если ты не хочешь быть здесь, мы должны были уйти в Лес.

— Да. Должны были.

— Но мы вернулись.

— Потому что ты испугалась.

— Я не испугалась, — нахмурилась Сея.

— Испугалась.

— Я подумала.

— Ты всегда думаешь, когда страшно.

Сея сжала губы.

— В тот раз, когда мы встретили Иррю, я делала как ты хотела, нас чуть не съели волки.

Рея фыркнула.

— Не съели же.

— Почти.

— Почти — не считается.

— Считается.

Пауза.

Рея отвернулась, уставившись вниз.

— В Лесу лучше, — пробурчала она. — Там всё понятно.

— Не как здесь.

— Здесь тоже понятно, — проворчала младшая.

— Нет.

— Тут всё шипит и умничает.

— И это их «сопряжение с Потоком Воли» — глупости.

— Вечный Лес умнее.

Сея на секунду задумалась.

— Может и так.

Рея довольно хмыкнула.

Пауза.

— Я поняла! Ты просто вернуться захотела, — сказала она вдруг.

— К Ирре.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Да.

Рея прищурилась.

— Ты как мама в позапрошлом году.

Сея резко повернула голову.

— Я не как мама.

— Она тоже говорила «я просто подумала».

— Я правда подумала.

— Угу.

Сея отвернулась обратно вниз.

— Нам с ним безопасно.

— Угу, — протянула Рея. — «Безопасно».

— Да.

— Очень «безопасно».

— Да.

Пауза.

Сея чуть придвинулась ближе к краю.

— Ты не хотела слушать змеюк.

Рея моргнула.

— Чего?

— Мы не на сопряжении.

— ...

— Мы здесь.

— ...

— Это ты хотела.

Рея нахмурилась.

— Это не...

— Это.

Короткая пауза.

Сея добавила спокойно:

— Я делаю, как ты хочешь.

Рея замерла.

— Почему?

Сея пожала плечами.

— Потому что я тебя люблю.

Пауза.

Рея прищурилась.

— А себя?

— И себя.

— Одинаково?

Сея подумала.

— Да.

— А Иррю?

Сея сразу ответила:

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

Пауза.

— С ним просто безопасно.

Рея медленно кивнула.

— Значит, я важнее.

— Да.

— И ты не как мама.

— Не как мама.

Короткая тишина.

Снизу раздался тяжёлый удар.

— У него будут проблемы, — сказала Рея.

— Да.

— Из-за нас.

— Да.

Пауза.

— Это плохо.

— Плохо.

Обе замолчали.

Снизу снова раздался удар.

Ровный. Тяжёлый.

— Но смотреть всё равно интересно, — тихо добавила Рея.

Сея кивнула.

— А мне нравятся цифры на других занятиях. И писать слова тоже.

— Поэтому на них я ждала тебя, а теперь ты ждёшь меня.

Очередная смена заканчивалась.

В зале постепенно стихали звуки сминаемого металла. Наступала пора сдачи выработки.

Вурзс, как всегда, появился неслышно.

Приёмщик он был невероятно опытный — различал халтуру и выход за допуски мгновенно.

При том одним взглядом умудрялся ещё и пересчитать.

— Иллия, — просипел наг, слегка коверкая орочий. — Ты хорошо приближаешь Волю Великого Змея. За эту луну ты сделал на четверть больше, чем полагалось.

Короткая пауза.

— К сожалению, ты не из нашего народа. Я не могу вписать тебе увеличенное количество шагов.

Он едва заметно склонил голову.

— Придётся выдать тебе деньги.

Ещё пауза.

— Мои слова уже переданы Ксендзу.

— Трудись во славу Змея и Реки Жизни. Мы учитываем вклад.

Без эмоции.

Как факт.

После этого наг так же тихо пополз в сторону следующего кузнеца.

Илья же впервые за день позволил себе отойти от нако-
вальни.

Подошёл к каналу и, не раздумывая, спустился в воду.

Холод сразу стянул кожу.

Он зачерпнул со дна песок и начал растирать плечи, грудь,
шею — там, где копоть въелась глубже всего.

Кровь прилила к коже, делая её чуть синеватой.

У наг слуховые щели закрывались мембраной.

У него — нет.

Вода сразу пошла внутрь.

Илья вынырнул, тряхнул головой, провёл пальцем за че-
люстью, нащупывая отверстие.

С силой выдохнул.

Бесполезно.

Пришлось наклониться, выковыривать пальцем.

Как всегда.

Несколько лишних минут — вернуть слух.

Он уже привык.

И всё равно не любил это.

И всё же...

Илья был доволен.

После кузни воздух казался почти холодным.

Илья на секунду остановился у выхода, давая телу остыть. Жар сходил медленно, словно не с кожи — изнутри.

Город жил. Не шумно, не ярко, но постоянно.

Наари не был выстроен — он складывался. Пирамида поднималась ярусами, как у ацтеков, но не прямыми линиями: уровни смещались, нависали друг над другом, образуя террасы, проходы и узкие улицы. Каменные блоки лежали плотно, без раствора, подогнанные так, что между ними не проходил даже песок. В этих стенах не было правильных углов — только ломаная геометрия, будто камень сначала тек, а потом застыл.

Поверх этого — лёгкие конструкции. Навесы, галереи, многоярусные переходы, похожие на японские постройки: резные балки, выступающие карнизы, лестницы, уводящие не туда, куда ожидаешь. Одни уровни перекрывали другие, создавая ощущение, что город растёт сам по себе, подчиняясь не плану, а какому-то внутреннему ритму.

Камень под ногами был тёплым, но уже не жёг.

Наги выходили из проёмов, стекались из переходов, появлялись из тени. Разные — тонкие, почти как тени, и массивные, с тяжёлым торсом. Они двигались спокойно, без суеты, но не стояли. Здесь вообще никто не стоял без причины.

Илья пошёл.

Он уже не думал, куда идти. Тело само держало направление, подстраиваясь под потоки. Полгода назад он бы потерялся здесь через три поворота. Теперь — нет. Он всё ещё не знал города, но чувствовал, куда он ведёт.

Первое заведение на пути к приюту выглядело как ниша в теле пирамиды, расширенная и углублённая. Внутри, под мягким магическим светом, лежали каменные плиты, разрисованные тонкими линиями. На них — чёрные и белые камни.

Вокруг — наги.

Они не переговаривались. Только смотрели. Долго. Внимательно.

Камни двигались редко, но каждый ход будто что-то решал. Ряды смыкались, перекрытия накладывались друг на друга, образуя рисунок, который Илья не понимал, но чувствовал — это не игра ради времени.

Сбоку лежали жетоны.

Шаги.

Их передавали молча. Победителю. Без эмоции, без споров.

Илья не знал правил. Но понимал: здесь учатся считать наперёд.

Дальше — яма.

Круг, вырезанный в камне, с гладким полом. По краям — зрители. В центре — двое с копьями.

Никаких объявлений.

Движение — и бой.

Коротко. Жёстко. Без лишнего.

Один пропустил. Упал. Второй не добивал — просто вышел. Его место занял следующий.

У края лежали мешочки с деньгами. Рядом — те же жетоны. Шаги.

Ставки делали молча.

Илья задержался взглядом чуть дольше, чем хотел. Раньше бы спустился. Проверил бы себя.

Сегодня — нет. Слишком устал.

Чуть дальше — вход в додзё. Открытый, без дверей. Внутри — ровный пол и ряды стоек с оружием.

Здесь он бывал часто.

Не ради нагов.

Ради мечей.

Двуручные деревянные. Тяжёлые. С правильным балансом.

Внутри двигались медленно. Повторяли. Снова и снова. Без команды — но в одном ритме.

Илья однажды вышел в круг. Поставил деньги против чужих шагов. Его приняли без вопросов.

Ведущий вышел против него.

Офицер.

Двигался легко. Слишком легко для своей массы.

Илья не понял, в какой момент проиграл. Просто оказался на камне — без меча, без равновесия.

Чисто. Элегантно. Без лишнего.

Это его задело. И осталось.

С тех пор он возвращался.

Сегодня — нет.

Руки были тяжёлыми. Тело — пустым.

Он прошёл мимо.

Дальше — свет. Мягкий, магический. Площадка у храма.

Не внутри — снаружи.

Там шло представление.

Фигуры двигались медленно, с паузами. Жесты повторялись. Сцены сменяли друг друга: битва, падение, возвращение. Существа, которых он не знал. Истории, которые не понимал.

Голоса звучали странно. Часть звуков он не слышал вовсе — они проходили выше его слуха. Остальное доходило обрывками.

Но смысл был не в словах.

Наги смотрели внимательно. Как на расчёт.

Илья остановился на краю света, посмотрел недолго и отвернулся.

Он не мог выучить их язык. Даже если бы захотел. Половину звуков он не слышал, а те, что слышал, не мог повторить.

Письмо — да.

Речь — нет.

Город жил.

Не для него.

Илья шёл дальше.

Туда, где было его место.

Пока что.

Дальше по пути менялся запах.

Возле кузни — металл и копоть.

Здесь — вода и сырая зелень.

У нагов не было привычной нам культуры еды. Была вы-
дача пайков.

По всему городу были раскиданы точки питания, к кото-
рым прикреплялись определённые наги.

В узких, вытянутых бассейнах там плескалась рыба. Ря-
дом с телег прямо в проходы сгружали гурдзу — каждому
нагу лично в руки.

Никто не варил, не жарил. Брали и ели тут же.

Высшие питались отдельно — в своих присутственных
местах или резиденциях. Им подавали разваренную рыбу и
зелень, мягкую, почти кашу.

Остальные ели сырьё.

Без различий.

Без разговоров.

Только польза.

Илья прошёл мимо.

Он к этому так и не привык.

Чуть ниже начинался рынок.

Не площадь, а цепочка ниш и навесов, прилепленных к

ярусам. Дерево, ткань, верёвки — всё привнесённое, не нагское.

Там в основном работали дворфы.

Наги не занимались мелкой торговлей, оставляя её неподконтрольной. Но свою прибыль они не упускали — снабжение «слушающих путь» было нужно.

И на этом зарабатывали.

Много.

У нагов денег хватало.

У тех, кто жил рядом с ними, — тоже.

Потому что платили за работу щедро.

Потому что всё считалось.

И потому что деньги здесь не были главной ценностью.

Дворфы это поняли первыми.

Яблоко, купленное в другом королевстве, здесь стоило как бочка.

Не потому что редкость.

Потому что никому из нагов не приходило в голову ждать пять лет, пока вырастет дерево.

У них была гурдза.

Колосья, похожие на пшеницу, с крупными мясистыми зернами внутри - вроде бобов. Колосья росли гроздьями. Быстро. Надёжно.

Этого хватало — и для рыбы, и для самих змеелюдов.

Зачем увеличивать разнообразие — они не понимали.

И не хотели понимать.

Поля лежали ниже.

Тёмные, влажные.

По ним двигались местные культиваторы.

Сурвы.

Толстые, сегментированные, с тупыми головами. Они не рыли землю — они её ели. Шли сквозь почву, прожёвывали, перемешивали, оставляя за собой рыхлый, насыщенный слой.

Сорняки исчезали — сурвы собирали их длинными усиками. Похоже, они ели всё подряд, кроме гурдзы.

Почва становилась жирной.

Иногда сурвы прижимались к корням растений, и из их тел выступала влага — тягучая, липкая, но достаточная, чтобы спасти всходы.

Их не направляли.

Они просто делали своё.

Как всё здесь.

Общага стояла ближе к складам.

Грубое строение, врезанное в камень.

Внутри — жарко, сыро и тесно. У входа — единственный очаг.

Кто хотел — платил за место у огня. За дрова. За время.

Люди варили сами.

В больших чашах кипела та же смесь — рыба и гурдза, перемолотые и разваренные до серой массы. Иногда кто-то

украдкой добавлял соль.

Ели быстро.

Без слов.

Большинство работали там же.

Склады.

Груз.

Перекладка.

Некоторые бывшие жители Ишты поднялись выше — в патрули.

Им платили больше.

Они могли позволить себе рынок.

Илья тоже мог.

Кузня давала деньги. Достаточно, чтобы питаться нормально и при этом откладывать на дорогу до земель дворфов.

Он прошёл вдоль дворфийских прилавков.

Они узнавали его. Приветствовали — им в какой-то степени льстило, что орк знает их язык.

Он выбрал быстро.

Фрукты.

Овощи.

Немного мяса.

Дорого. Всегда дорого.

Но он платил.

Не торгуясь.

Дворф кивнул и передал свёрток — без лишних слов.

Илья не пошёл в общагу.

Свернул выше.

Туда, где можно было готовить спокойно.

Он делал это сам.

Как привык.

Огонь. Вода. Нож.

Просто.

Девочки ждали.

Он знал.

И шёл быстрее, чем хотел показать.

Под навесом было тише.

Камень держал тепло, но не давил, как в кузне. Огонь в очаге уже разгорелся — ровный, спокойный.

Илья разложил свёрток.

Фрукты — в сторону.

Овощи — ближе.

Мясо — отдельно.

Он работал быстро.

Нож шёл ровно, без лишних движений. Овощи резались тонко, почти одинаково. Местные — плотные, с чуть горьковатым запахом, но с соком, который давал нужную основу.

Он уже привык.

Смешал в каменной чаше измельчённую зелень, выжал сок из кислых стручков гурдзы, добавил растёртые семена и жир с поверхности варёной рыбы, который успел застыть. Перемешал.

Получилось густо.

Не как у нагов.

Но близко к тому, что он искал.

Он попробовал.

Кивнул.

Сойдёт.

Мясо легло на каменную плиту.

Крупный тягловый ящер — жёсткое, но жирное. Если не передержать — нормально.

Сало зашипело.

Запах пошёл сразу.

Чужой для этого города.

Илья перевернул кусок.

Тем временем в котле уже доходила гурдза. Разваренная, но не в кашу — он оставлял плотность.

Он не любил, когда всё превращалось в одно.

Шаги он слышал раньше, чем увидел.

Лёгкие.

Быстрые.

— Мы помогаем, — сразу заявила Рея, не дожидаясь решения.

Сея уже тянулась к ножу.

— Руки вымойте, — сказал Илья, не оборачиваясь.

Они исчезли на секунду.

Вернулись почти сразу.

Сели рядом.

Рея взяла фрукты — те, что по вкусу как дыня, но выглядят как груши.

— Я это режу, — сказала она.

— Режь.

Сея занялась овощами.

Получалось хуже.

Но она старалась.

Илья не поправлял.

— Как день? — спросил он, переворачивая мясо.

— Нормально, — ответила Рея.

— Мы считали.

— И писали, — добавила Сея.

— Что считали?

— Бочки, — сказала Рея. — Если в ряд шесть.

— И таких рядов четыре, — добавила Сея.

— Сколько?

— Двадцать четыре, — сказала Рея.

— Я первая сказала, — тут же добавила она.

Сея нахмурилась.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Да.

Илья хмыкнул.

— А писать?

— На нагском, — сказала Сея.

— У нас плохо, — добавила Рея.

— Лира помогала.

— И Учитель Годзе.

— Он странный, — сказала Рея.

— Он нормальный, — возразила Сея.

— Он долго думает.

— Он правильно думает.

Илья снял мясо с огня.

— Я бы тоже пошёл, — сказал он. — Язык учить.

Пауза.

— Хотя письменный.

Он налил гурдзу в миски.

— Времени нет.

Рея пожала плечами.

— Потом будет.

— Когда-нибудь.

Сея кивнула.

— Да.

Илья ничего не ответил.

Разложил еду.

Сел.

Они почти начали есть, когда под навес заполз Ксендз.

Как всегда — без лишних движений.

— Приветствую, — сказал он на орчем.

Илья не встал.

— Говори.

Ксендз кивнул.

— У меня две новости.

Пауза.

— Первая. За эту луну тебе начислено на одну пятую больше.

Он выложил на стол мешочек.

— За вклад.

Короткая пауза.

— Вторая.

Он перевёл взгляд на девочек.

— Дети под твоим присмотром неоднократно нарушили порядок.

Пауза.

— Пропускали сопряжение с Потоком Воли Владыки.

Ещё пауза.

— В связи с этим половина начисленного изымается.

Он положил второй мешочек.

Меньший.

Илья замер.

Кровь пошла вверх.

Тяжело.

Медленно.

Чёрно.

— Ты знал? — спросил он.

Ксендз не ответил.

Просто посмотрел.

И отвернулся.

— Это можно было сказать раньше, — голос Ильи стал ниже.

Ксендз уже разворачивался.

— Учёт ведётся непрерывно.

И пополз прочь.

Илья смотрел ему вслед.

Долго.

Потом перевёл взгляд на девочек.

Они ели.

Молча.

Опустив глаза.

И чуть заметно... улыбаясь.

Он выдохнул.

Тяжело.

Взял еду.

И начал есть.

Глава 5. Колеса и бурундуки

Утро только начиналось.

Солнце ещё не поднялось над верхним ярусом пирамиды, и свет растекался по улицам мягкими сумерками. Камень был холоднее, чем днём, воздух — тише. Город ещё не вошёл в свой привычный ритм.

Сея и Рея шли впереди.

Шли не торопясь, переговариваясь между собой на своём наречии — быстро, шипяще, с короткими смешками. Иногда одна толкала другую плечом, иногда обе одновременно оглядывались по сторонам, будто всё вокруг всё ещё оставалось для них чем-то новым.

Илья шёл за ними.

Молча.

Он уже слышал их разговор, но не вслушивался. Слова проходили мимо — как шум воды. Главное было не в них.

Главное было в том, что они не понимали.

Сея первой обернулась.

— Ирря... а куда мы идём?

Пауза.

Она чуть замедлилась, подстраиваясь под его шаг.

— А можно на плечах?

Рея сразу подхватила:

— Да. Мы вчера не катались.

— И сегодня не катались, — добавила Сея, будто это уже было достаточным аргументом.

Илья посмотрел на них.

Коротко.

— Нельзя.

Обе синхронно нахмурились.

— Почему?

Он не ответил сразу.

Шёл ещё несколько шагов, глядя вперёд.

— Потому что я трачу силы не на это, — сказал он наконец. — Я работаю, чтобы вытащить нас отсюда.

Пауза.

— В место, где жить будет лучше.

Рея фыркнула.

— Нам и здесь нравится.

Сея кивнула.

— Да. Тут нормально.

Илья остановился.

Девочки прошли ещё пару шагов и только потом заметили, что он стоит.

Обернулись.

Он посмотрел на них прямо.

— Когда вы подрастёте, — сказал он спокойно, — я перестану вас кормить вкусностями.

Короткая пауза.

— Будете сами зарабатывать.

Рея сразу закатила глаза.

— Глупости.

Сказала это легко. Даже не задумываясь.

— Я тогда просто уйду в лес.

Сея резко толкнула её локтем.

Тихо. Но ощутимо.

Рея поморщилась.

Илья чуть наклонил голову.

— Можешь уйти, — сказал он.

Тишина.

— Прямо сейчас.

Он сделал шаг в сторону, освобождая проход.

— Я не держу.

Пауза стала длиннее.

— У меня уже хватает денег, чтобы уехать одному.

Сея сжала губы.

— Тогда мы с Реей останемся одни.

Он ничего не ответил.

— И нас съедят... — она замаялась, — какие-нибудь смертеволки.

Рея отвернулась.

Не спорила.

— А ты... — Сея подняла на него глаза, — ты же добрый.

Короткая пауза.

— Ты не позволишь такому случиться.

Илья медленно выдохнул.

— Могли бы уже научиться выговаривать моё имя.

Обе замерли.

Потом переглянулись.

И почти синхронно:

— Ирря.

Пауза.

— Дуролом.

Они не выдержали.

Захихикали.

Илья посмотрел на них.

Долго.

— Значит так, — сказал он ровно. — Бурундуки.

Обе сразу насторожились.

— Сегодня будете крутить колёса.

Они не успели ничего ответить.

Он шагнул вперёд, схватил их под мышки — легко, как будто обе ничего не весили — и закинул вверх.

Рея вскрикнула.

Сея засмеялась.

Обе начали вырываться — больше для вида, чем по-настоящему.

— Отпусти!

— Мы сами пойдём!

— Не урони!

— Ирря!

— Дуролом!

Их визг разнёсся по пустой утренней улице.

Илья даже не улыбнулся.

Просто развернулся и понёс их дальше.

К кузне.

Кузня встретила их шумом. Не тем далёким гулом, к которому девочки привыкли, сидя наверху, а настоящим — плотным, тяжёлым, в который нужно было входить телом. Металл бился о металл, воздух дрожал, камень под ногами отдавал мелкой, непрерывной вибрацией.

Илья не замедлился. Провёл их мимо наковален, мимо занятых дробилок, к одной свободной. Сбоку в гнезде тускло светился кристалл — ровно, без вспышек, как вещь, которая работает и не нуждается в лишнем внимании.

— Здесь.

Он поднял кусок руды, положил в приёмный лоток. Внутри глухо ударило, затем пошло вращение — тяжёлое, уверенное, как будто камень сам знал, что делать дальше. Илья даже не стал смотреть, как кусок уходит внутрь. Развернулся и шагнул к соседней дробилке, уже работающей.

Там ритм был задан. Не быстрый, не медленный — ровный. Он подал следующий кусок в тот момент, когда нужно, без паузы, без спешки. Движение — и сразу другое. Как будто не он подстраивался под механизм, а механизм под него.

Девочки остались у своей.

Рея первой схватила камень и попыталась закинуть его внутрь. Не попала — кусок ударился о край и отскочил. Она

фыркнула, подняла и бросила снова. Со второго раза получилось. Сея уже тянулась за следующим, подхватила быстрее, чем нужно, и едва не столкнулась с сестрой.

— Я быстрее, — сказала она, не отрывая взгляда от лотка.

— Не быстрее. Ровно, — бросил Илья, не оборачиваясь.

Они его почти не слышали.

Первые минуты были игрой. Камни подхватывались вперехлест, иногда обе тянулись к одному и тому же куску, иногда смеялись, когда что-то выскальзывало из рук. Их дробилка гудела, но рвано: то на мгновение пусто, то сразу два куска подряд. Соседняя же работала иначе — глухо, без сбоев, как дыхание.

Рея попробовала ускориться. Подняла два куска сразу, один положила точно, второй попыталась протолкнуть следом. Камень застрял на краю, она ткнула его пальцами, он сорвался внутрь. Внутри дробилки звук на мгновение изменился — стал вязким, тяжелее обычного.

Сея замерла.

— Это нормально?

Илья подал следующий кусок в свою, не сбиваясь.

— Работает.

И больше ничего.

Шум постепенно перестал быть фоном. Он начал давить. Не сразу — медленно, но настойчиво. Камни в руках стали казаться тяжелее, пальцы скользили в пыли, мелкие осколки цеплялись за кожу. Сея первой сбилась. Всего на секунду

дольше держала камень в руках — и этого хватило. Лоток опустел, дробилка продолжала крутиться вхолостую.

Рея не сразу заметила. Потом поспешно кинула следующий кусок — резко, с лишним усилием. Камень ударился, часть крошки разлетелась мимо.

— Ровно, — спокойно сказал Илья.

Он не повысил голос, не остановился. Просто продолжал держать свой ритм. И на фоне этого их сбои становились заметнее.

Они начали смотреть на него. Не прямо — краем глаза. Он не ускорялся, не замедлялся, не делал лишних движений. Каждый кусок уходил внутрь вовремя, без задержек. Его дробилка отвечала тем же — ровным, тяжёлым гулом, в котором не было лишнего звука.

У их кристалла свет стал ярче. Сея заметила это первой.

— Он другой.

— Под нагрузкой, — коротко ответил Илья, не отрываясь от работы.

Она кивнула, хотя не поняла.

Постепенно у них начал появляться свой ритм. Неровный, с запаздываниями, но уже не хаотичный. Один подаёт, вторая держит следующий. Пауза. Подача. Пауза. Внутри стало меньше резких ударов, звук выровнялся.

Сея занялась выгрузкой. Подхватила каменную каретку, высыпала дроблёную руду — часть ушла мимо, рассыпалась по полу. Она сначала не обратила внимания, потом начала

собирать руками, медленно, не поднимая головы. В это время Рея снова пропустила подачу. Дробилка глухо крутилась пустой ход.

Соседняя не сбилась ни разу.

— Ровно, — снова сказал Илья.

Теперь уже тише.

Рей сжала губы и подстроилась.

К обеду они перестали разговаривать. Остались только короткие слова — «давай», «держи», «сейчас» — и то всё реже. Движения замедлились, но стали точнее. Рея подала очередной кусок и на мгновение задержала его в руках, просто потому что устала. В этот же момент Илья подал свой — без паузы. Разница была небольшой, почти незаметной, но она её почувствовала.

Ничего не сказала.

Когда Илья подошёл к их дробилке, он сделал это впервые за всё время. Положил ладонь на корпус, прислушался к вибрации, потом так же коснулся своей. Разница была. Не критичная, но достаточная, чтобы её не игнорировать.

Он вытащил кристалл. Осторожно, как вещь, которая стоит больше, чем выглядит. Свет в нём был тусклее, чем утром.

Илья перевёл взгляд на каретку. Потом на девочек. Потом на свою — почти заполненную.

Он не стал ничего объяснять.

— Пойдём.

И вернулся к своей дробилке ещё на несколько подач —

добить ритм, как будто точку поставить. Только после этого остановил её.

Девочки стояли рядом молча. Шум кузни никуда не делся, но внутри у них стало тише.

Илья обычно не обедал в кузне. Шум мешал, пыль лезла в рот, оседала на зубах, в волосах, в складках одежды. Проще было закончить смену и поесть уже потом, в тишине. Но сегодня он взял еду с собой. Свёрток лежал в стороне, на камне, куда почти не долетала крошка: густая каша из гурдзы, подсоленная, с жирным блеском масла какого-то местного растения, пару варёных яиц на девочек и с десятка себе, и булка, купленная по дороге, уже чуть подсохшая, но всё ещё пахнувшая хлебом.

Он не стал сразу звать их к еде. Кивнул в сторону канала.
— Мыться.

Девочки не спорили. Просто пошли. Шли медленно, как будто каждое движение требовало усилия. Плечи опущены, руки тяжёлые, на щеках серый налёт пыли, смешанный с потом. В волосах застряли мелкие каменные крошки. Они спустились к воде, опустили лица, руки. Холод сразу пробрался в кожу, Сея вздрогнула, Рея тихо выдохнула сквозь зубы, но обе начали умываться быстрее, чем нужно, жадно, почти грубо, словно только сейчас поняли, насколько устали.

Когда они вернулись, лица были чище, но усталость никуда не делась. Только стала виднее. Они сели почти одновременно, тяжело, без лишних слов, и только тогда увидели

еду. Рея дёрнулась вперёд первой, Сея сразу за ней, но Илья спокойно отодвинул миску.

— Сначала сядь нормально.

Сея послушно выпрямилась. Рея тоже.

Тогда он подвинул еду.

Они ели быстро. Без разговоров, без споров. Каша уходила ложка за ложкой, яйца трескались под пальцами, булка делилась на куски почти машинально. Сначала — жадно, потом чуть медленнее, когда первый голод отпустил и дыхание стало ровнее. Только тогда они начали понемногу приходить в себя.

Илья доел своё, вытер руки о тряпку, посмотрел на них.

— Сейчас вы свободны.

Обе сразу подняли головы. В глазах мелькнуло облегчение.

— Но, — добавил он спокойно, чуть прищурившись, — ещё неделю по утрам будете ходить со мной сюда.

Он едва заметно ухмыльнулся.

— Отрабатывать долг.

Рея опустила взгляд, Сея тихо выдохнула.

— Неделю... — пробормотала она.

— Неделю, — подтвердил Илья. — Потом будете делать, что хотите.

Он чуть помолчал, потом добавил:

— После обеда — на занятия.

Обе поморщились почти синхронно.

— У вас там не плотный график, — продолжил он. — Два урока максимум. И то не каждый день.

— Чаще всего сопряжение, — тихо сказала Рея.

Илья кивнул, чуть наклонился вперёд.

— Вот про него и хочу спросить. Что там такого, что за прогулы штрафуют?

Девочки переглянулись. Сея пожала плечами, подбирая слова, Рея начала первой.

— Там объясняют... что все миры — как будто лежат между берегов большой реки. Ну... не как вода, но... как поток.

Сея подхватила:

— И если ты не понимаешь, как в нём двигаться, тебя уносит. Или ломает.

— А наги понимают, — добавила Рея. — Они чувствуют, куда идти.

— Остальные — нет, — сказала Сея. — Они хуже.

Она произнесла это спокойно, без злобы, как что-то очевидное.

Илья молчал.

— И на каждом уроке берут какую-нибудь расу, — продолжила Рея. — И показывают, где они ошиблись.

— Почему они не чувствуют поток, — добавила Сея.

— И почему они неполноценные, — закончила Рея.

Илья чуть сжал челюсть.

— Примеры?

— Люди, — сразу ответила Рея. — Они строят там, где нельзя. Их смывает.

— Дворфы, — сказала Сея. — Упираются. Не понимают, когда надо отступить.

— Орки... — Рея чуть усмехнулась. — Просто ломают. Сея тихо хмыкнула.

— И их ломает сильнее.

Пауза затянулась.

— А в конце поём, — добавила Рея.

— Что поёте?

Сея выпрямилась, будто вспоминая.

— Что мудрый Владыка Наари найдёт верный путь в реке вечности.

— А разумные должны ему помогать, — тихо закончила Рея.

Они сказали это почти наизусть, ровно, без выражения, как повторяют то, что уже много раз проговаривали.

Илья несколько секунд смотрел на них. Потом отвернулся, провёл рукой по лицу и тихо, сквозь зубы, уже на русском выдал:

— Блядь...

Он коротко усмехнулся, без радости.

— Да вы там не учитесь... вас там строят.

Он покачал головой, будто сам себе.

— “Река”, “поток”... мать вашу.

Снова посмотрел на них. Девочки сидели тихо, не пони-

мая половины слов, но понимая тон.

Он выдохнул, дольше, тяжело, и вернулся к обычному голу-
лосу:

— Ладно. Доедайте.

Пауза.

— Потом пойдёте на свои занятия.

И уже тише добавил:

— Посмотрим, чему вас там ещё учат.

Илья нашёл Ксендза уже к вечеру, когда поток в городе не утихал, а просто становился тягучим и ровным, будто сам воздух начинал двигаться медленнее. Свет лёг по камню мягче, переходы между ярусами проваливались глубже, а фигуры нагов скользили почти бесшумно, не сталкиваясь и не задерживаясь. Ксендз был там же, где обычно — у приёмной ниши, где сходились потоки из кузен и складов. Он не стоял, просто двигался так медленно, что казался неподвижным.

Илья подошёл вплотную и не стал тянуть.

— Нужно поговорить.

Ксендз повернул голову. Взгляд задержался на Илье чуть дольше обычного.

— Говори.

— Девочки. Я хочу, чтобы они не ходили на сопряжение.

Ксендз не удивился. Несколько секунд просто смотрел, как будто проверяя, не передумает ли Илья сам.

— Можно, — сказал он спокойно.

Пауза повисла сама.

— Сколько? — сразу спросил Илья.

— Потеряешь выработку за этот день.

Без акцента. Как факт.

Илья чуть прищурился.

— То есть?

— День без сопряжения — день без оплаты.

Ксендз сместился на полшага, пропуская проходящего на-
га, и снова вернулся в прежнюю позицию.

— Либо, — добавил он, — их не будут пускать на другие
занятия.

Илья коротко выдохнул.

— Писать, считать?

— Да.

— Понятно.

Пауза.

— Найму учителей, — сказал он.

Ксендз кивнул.

— Можно.

Он не стал спорить, не стал убеждать.

— Стоимость будет сопоставима.

Илья усмехнулся без радости.

— Конечно будет.

Они замолчали на несколько секунд. Поток вокруг шёл
мимо них, не замедляясь, как будто разговор происходил вне
него.

— Ты хочешь, чтобы они не слушали, — сказал Ксендз. Не вопросом. Констатацией.

Илья скривился.

— Я хочу, чтобы им не лили в голову эту херню.

Ксендз чуть наклонил голову, словно отметил слово, но не придавал ему значения.

— Ты считаешь это неверным.

— Я считаю, что это делает их удобными, — ответил Илья.

Ксендз посмотрел на него спокойно.

— Это делает их способными жить здесь.

Он не спорил. Просто говорил.

Илья усмехнулся.

— Жить или подстраиваться?

— Разницы нет, если ты понимаешь поток.

Тишина между ними стала плотнее.

— А если не понимаю? — спросил Илья.

— Тогда тебя уносит.

Коротко. Без объяснений.

Илья отвёл взгляд, провёл рукой по затылку, потом снова посмотрел прямо.

— Им восемь лет.

— Да.

— И вы уже решаете, как им думать.

Ксендз чуть сместился, пропуская ещё одного нага, и вернулся.

— Нет.

Пауза.

— Мы даём им возможность не ошибиться.

Илья коротко хмыкнул.

— Удобно.

Ксендз не отреагировал.

— Без сопряжения они не смогут слушать, — добавил он спустя секунду.

Илья нахмурился.

— Слушать что?

Ксендз посмотрел на него чуть дольше.

— То, что удерживает порядок.

Пауза.

— То, что даёт направление.

Илья покачал головой.

— Или то, что заставляет идти туда, куда нужно вам.

Ксендз не стал спорить.

— Ты можешь отказаться, — сказал он спокойно. — Можешь заплатить.

Пауза.

— Это твой выбор.

Он уже начал разворачиваться, но на мгновение задержался.

— Я не советую пропускать сопряжение.

Илья не сдвинулся.

— Почему?

Ксендз ответил так же ровно, как и всё до этого:

— Это важно для любого разумного существа.

Короткая пауза.

— Слышать волю Владык.

Он не обернулся. Просто продолжил движение и растворился в потоке так же тихо, как появился.

Илья остался стоять. Смотрел в ту сторону, где тот исчез, потом медленно выдохнул.

— Слышать... — тихо повторил он уже на русском. — Ну да. Конечно.

Он усмехнулся, коротко, без радости.

— Слышали уже. И красных, и коричневых, и белых... И даже зеленых... всегда находились те, кто точно знал, куда всем идти.

Пауза.

— И всегда платили те, кто им поверил.

Он провёл рукой по лицу, будто смахивая усталость, но она никуда не делась.

— А потом удивляются, что опять кого-то унесло.

Прошла неделя.

Кузня больше не вызывала у девочек ни интереса, ни раздражения. Она просто стала частью утра — тяжёлой, шумной, неизбежной. Они уже не пытались отлынивать, не спорили, не переглядывались с ухмылками, когда что-то шло не так. Работали молча. Сея чаще держала подачу, Рея — выгрузку. Ошибались всё так же часто, сбивались с ритма, сы-

пали мимо, но теперь не отмахивались от этого и не делали вид, что так и должно быть.

Выработка за эт овремя получилась почти никакая.

Если сложить всё, что они сделали, выходило примерно как один нормальный день самого Ильи. Любой другой давно бы плюнул — толку от них было мало.

Но Илью это не злило.

Он видел, как изменилось их отношение. Они перестали смотреть на его работу как на что-то само собой разумеющееся. Перестали болтать, когда он стоял у дробилки. Перестали есть, не задумываясь, откуда берётся еда. В их движениях появилась осторожность, в голосах — паузы.

Они начали понимать цену.

Этого было достаточно.

К Вурзсу он подошёл вечером, когда смена уже сходила на нет, а потоки из кузен становились редкими, но тяжёлыми. Наги шли медленнее, чем днём, но не останавливались — здесь вообще никто не стоял без причины. Вурзс был у края яруса, где сходились линии снабжения. Он не командовал — он наблюдал. Иногда чуть смещался, пропуская поток, иногда едва заметно менял положение, и этого хватало, чтобы движение перестраивалось.

Илья остановился рядом.

— Есть разговор.

Вурзс не сразу повернул голову. Сначала довёл взглядом то, что отслеживал, потом перевёл внимание на Илью.

— Говори.

Илья не спешил. Секунду посмотрел вниз, на кузни, где всё ещё держался жар, потом сказал:

— Ты же видишь, как ваши работают в огне.

Вурзс чуть прищурился.

— Вижу.

— Им это не нравится, — спокойно продолжил Илья. — Температура, дым, жар.

Пауза.

— Но они всё равно идут.

Он усмехнулся краем губ.

— Потому что надо.

Вурзс молчал.

Илья кивнул в сторону кузен.

— Я там целый день. Мне нормально.

Он пожал плечами.

— Моё тело под это подходит.

Короткая пауза.

— Ваши — хуже переносят.

Это прозвучало без вызова, почти уважительно.

Вурзс чуть сместился, пропуская двух нагов с грузом, и вернулся обратно.

— Продолжай.

— Я могу забрать на себя часть этой работы, — сказал Илья. — Сделать так, чтобы вам не приходилось держать там столько своих.

Он не стал объяснять, как.

— Чтобы это шло без лишнего напряжения.

Пауза.

— Мне нужно помещение.

— Где?

— У сброса воды.

Теперь Вурзс посмотрел внимательнее.

— Зачем у воды?

Илья чуть усмехнулся.

— Удобно.

И замолчал.

Он не собирался раскрывать дальше.

Пауза повисла.

— Что ты получишь? — спросил Вурзс.

Илья пожал плечами.

— Жить нормально.

Он кивнул в сторону рынка.

— Есть то, к чему привык.

Короткая пауза.

— У вас с этим проще.

Он посмотрел на Вурзса внимательнее.

— Ваши тела под это сделаны. Гурдза, рыба, всё это.

Он кивнул.

— Работает.

Пауза.

— У нас — нет.

Он сказал это без жалобы. Как факт.

— Нам приходится тратить больше, чтобы просто держаться в норме.

Короткая пауза.

— И девочкам тоже.

Он чуть наклонил голову.

— Они не ваши. На такой еде долго не протянут.

Это прозвучало спокойно, но вес у слов был.

— Мне нужно, чтобы они ели нормально. Учились нормально.

Он не отвёл взгляда.

— Тогда и толк будет.

Пауза.

— И от них, и от меня.

Вурзс слушал.

Не перебивал.

Илья чуть усмехнулся.

— Ваш народ умеет жить в этом мире.

Он обвёл взглядом ярусы.

— Выжить здесь... не каждый сможет.

Пауза.

— Значит, делаете правильно.

Лесть была тонкой, но точной.

— Я не собираюсь это менять, — добавил он. — Я просто займу место, которое вам неудобно.

Он кивнул вниз.

— И буду делать своё.

Пауза.

— Ты получаешь больше того же.

Без цифр.

Без обещаний.

Просто как следствие.

Вурзс молчал долго.

Смотрел.

Сравнивал.

— Ты уже это делаешь, — сказал он наконец.

Илья кивнул.

— Ты видишь.

Пауза.

— Если не получится — я никуда не денусь.

— А ты какое-то время будешь считать, сколько я тебе должен.

Спокойно.

— Тогда вопрос закроется.

Короткая тишина.

Вурзс перевёл взгляд вниз, потом снова на Илью.

— Место у сброса — под контролем.

— Пусть смотрят, — ответил Илья.

И добавил почти лениво:

— Мне скрывать нечего.

Ложь прозвучала ровно.

Без усилия.

Вурзс это принял.

— Я подумаю, — сказал он.

И отвернулся обратно к потокам.

Разговор был закончен.

Илья постоял ещё немного, глядя вниз на кузни, где провёл эту неделю. Потом развернулся и пошёл прочь.

В этот раз он не спешил.

Девочки были не здесь.

Либо уже дома.

Либо где-то в городе, куда он их отпустил погулять.

И это было так нормально, так здорово знать что дорогие тебе существа в безопасности.

Он шёл один.

И заново прокручивал в голове события прошлого полугодия.

Глава 6. Медобородые

Вечерний город нагов жил иначе, чем человеческие города.

Без крика.

Без привычной суеты.

Потоки существ текли по ярусам спокойно и ровно, будто весь город был одним огромным организмом. Вода шумела в каналах, стекала по каменным желобам вдоль улиц, падала тонкими водопадами с верхних террас. Вечерний свет фонарей отражался в ней длинными золотистыми полосами.

Илья шёл вдоль одного из каналов медленно.

После кузни ломило плечи. В пальцах ещё жила тяжесть молота. За день он почти не разгибался — работа у нагов была устроена прагматично и с определённой жалостью к их тщедушным телам. Просто поток. Просто ритм. Пока можешь стоять — работаешь. Устал — погрузись в прохладную воду и отдыхай сколько нужно. Ну а Илье приходилось работать за двоих.

Город постепенно темнел.

Где-то наверху зажигались круглые жёлтые огни. Между ярусами двигались платформы с грузами. По мостам скользили фигуры нагов — длинные, спокойные, почти бесшумные.

Он уже собирался свернуть к пристройке у водосбросов,

когда заметил Лиру.

Она сидела на низком каменном борту у канала, поджав ноги, и возилась с дочкой, замотанной в пелёнки.

Рядом стояла маленькая корзина с рыбой и какими-то травами.

Лира заметила его сразу.

— Выглядишь паршиво.

— Чувствую себя лучше, чем выгляжу.

Она тихо хмыкнула.

Илья опустилсЯ рядом, тяжело выдохнув.

Несколько секунд они молчали.

Вода шумела где-то внизу. От каналов тянуло прохладой и влажным камнем. С верхних ярусов доносились глухие удары кузен.

— Сея и Рея опять подрались? — спросил он.

— Нет.

Пауза.

— Сегодня только спорили, можно ли есть сырую рыбу.

— И?

— Рея считает, что можно.

— А Сея?

— Что сначала надо хотя бы убедиться, что она мёртвая.

Илья устало усмехнулся.

— Уже прогресс.

Лира тоже улыбнулась. Но быстро посерьёзнела.

Некоторое время она молчала, глядя в воду.

Потом заговорила:

— Сегодня прибыли торговцы.

— Ну и?

— Дворфы.

Илья повернул голову.

— Откуда?

— Из Сияющих Гротов.

Пауза.

— Среди них есть те, кто знает Медобородых.

Он нахмурился.

Название было знакомым. Но смутно.

Лира заметила это сразу.

— Ты ведь даже не знаешь, кто мы такие.

Это прозвучало без обиды. Скорее устало.

Илья пожал плечами.

— Дург никогда особо не рассказывал.

— Потому что не любил говорить о прошлом.

Она провела пальцем по влажному камню борта.

— Медобородые — род мастеров. Один из старых родов

южных холмов.

Илья молчал.

— После основания Хильс-Торма часть рода осталась в Сияющих Гротах. А та часть, что известна тебе, почти вся погибла. Остальные... в других городах.

Пауза.

— Дург был старшим мужчиной нашей ветви.

Она произнесла это спокойно, но голос всё равно стал тише.

— Когда орки пришли... он дрался один, прикрывая проломленные ворота.

Илья не перебивал.

— Он удерживал проход, пока уводили женщин и детей.

Лира смотрела не на него. В воду.

— Даже когда понял, что не выйдет.

Тишина повисла между ними — тяжёлая и длинная.

Где-то над каналом прошёл отряд нагов. Вода дрогнула от вибрации шагов.

— Он всегда был такой упёртый. Потом, когда ты предупреждал, что орки придут мстить, он сразу всё понял. И решил остаться задержать погоню. Мой мальчик тоже был упёртый как дед. И тоже пошёл умирать вместе с ним.

Голос Лирь дрогнул, а из глаз полились горькие слёзы.

Илья неловко положил свою огромную ладонь на плечо этой такой слабой и такой сильной женщины.

— Пал как мастер, — тихо сказала Лира. — С оружием в руках. Защищая кровь рода перед орочьим гневом.

Илья медленно выдохнул.

Он слишком хорошо представлял, как это выглядело.

Гул пламени.

Камень. Кровь.

Орочье ревущее цунами, захлёстывающее строй дворфов.

И старый мастер, который понимает, что назад уже не уй-

дёт.

Лира вдруг выпрямилась.

Будто заставила себя вернуться в настоящее.

— Мне нужна твоя помощь.

Илья нахмурился.

— Какая?

Она несколько секунд молчала.

Для неё это явно было неприятно.

— Я не могу сама пойти к ним.

— Почему?

Лира посмотрела на него как на идиота.

— Потому что я женщина.

Он открыл рот... и закрыл обратно.

— Для рода я имею голос только внутри семьи. Не вне её.

Пауза.

— А сейчас рядом нет ни мужа, ни отца, ни брата.

Илья медленно потёр лицо ладонью.

— погоди... то есть ты не можешь просто подойти и поговорить со своими же?

— Нет.

Она чуть дёрнула плечом.

— Слушать меня будут только если я стану их служкой. Это как ваши думп, только добровольно и гораздо менее приятно. Я буду делать всё, что мне скажут, убираться где скажут, готовить как скажут, рожать детей для клана от кого скажут.

Это прозвучало без злости. Спокойно и как-то даже с пониманием правильности.

Как давно принятое правило.

— Поэтому нужен ты.

— Я орк.

— Ты ученик Дурга.

Пауза.

— И мужчина.

Она сказала это так, будто этого уже достаточно.

Илья тихо выругался себе под нос. Опять эти дикие обычаи. Если так подумать, то дворфы от орков отличаются только развитием ремёсел и комфортом.

Лира сделала вид, что не услышала.

— Что нужно сказать?

Она сразу подобралась.

Будто только и ждала этого вопроса.

— Подойдёшь к старшему каравана.

— Как его узнать?

— У него будет медная цепь с каменными пластинами на бороде.

Илья кивнул.

— Потом?

— Скажешь, что пришёл от Лир, дочери мастера Дурга Медобородого из южных холмов.

Она чуть помедлила.

— Не говори “Дург умер”.

— А как?

Ли́ра подняла взгляд.

— Говорят: “мастер Дург Медобородый пал”.

Пауза.

— Защищая женщин и детей рода при отходе.

Илья медленно кивнул.

— Потом скажешь, что его кровь жива.

— Ты про дочь?

— Нет.

Она тут же поправила:

— “Кровь рода”.

Снова эта дворфийская тяжесть в словах.

Будто каждое выражение веками лежало на своём месте.

— И потом?

— Попросишь передать весть в южные холмы.

Она отвела взгляд.

— Если род согласится... за мной и дочкой пришлют оплату дороги.

Илья несколько секунд молчал.

Только сейчас до него окончательно дошло, что всё это значит.

Ли́ра не просто хотела передать привет родственникам.

Она просила признать, что всё ещё принадлежит роду.

Что она ещё не потеряна.

Что её дочь не стала никем.

— А если не пришлют?

Лира долго смотрела в воду.

— Тогда останемся здесь.

Тихо.

Спокойно.

Но Илья вдруг понял, сколько всего скрывается за этим “останемся”.

Она поднялась первой.

Подхватила корзину.

— Торговцы остановились у западных причалов.

Потом посмотрела на него внимательнее.

— Дуролом.

Он поднял голову.

— Спасибо.

И ушла вдоль канала.

А он ещё какое-то время сидел у воды.

Слушал шум вечернего города нагов.

И думал о том, насколько же одинаково, в конечном счете, разные народы цепляются за право не исчезнуть.

Сумерки к этому времени уже окончательно легли на город.

Вода в каналах потемнела, превратившись почти в чёрное зеркало, в котором дрожали жёлтые огни фонарей. Верхние ярусы пирамид терялись в сизой дымке, а между мостами медленно ползли грузовые платформы. Где-то далеко продолжали звенеть перливы мелодий у храмовых площадей, а здесь, ближе к западным причалам, шум был другим.

Тяжёлым.

Портовым.

Илья почувствовал его ещё издалека.

Скрип тросов.

Глухие удары дерева о камень.

Шипение воды под днищами.

Когда он вышел к причалам, перед ним как раз заканчивалась разгрузка.

Шесть широких колесных барж стояли вдоль длинной каменной платформы.

Некрасивые.

Грубые.

С низкими пузатыми корпусами, заклёпанными железными полосами. Огромные боковые колёса напоминали о земных викторианских временах.

Только здесь их крутил не уголь а магия.

Причём старая дворфийская — тяжёлая, надёжная, без изящества.

На бортах виднелись медные пластины с рунами, а под водой иногда вспыхивал тусклый голубоватый отсвет.

Баржи пахли мокрым деревом, маслом, рудной пылью и перегретым металлом.

На причале кипела работа.

Точнее — почти заканчивалась.

Носители воли стояли плотным строем вдоль грузов. Высокие, неподвижные, с оружием на груди. За ними полуколь-

цом расположились низшие наги — десятков пять, не меньше. Они таскали ящики, проверяли печати, записывали что-то на тонких пластинах.

В центре всего этого стоял один из высших.

Судя по одежде — кто-то важный.

Тёмно-зелёная чешуя поблёскивала в свете фонарей, а на плечах висели длинные цепи из белого металла с прозрачными кристаллами. Даже носители воли рядом с ним держались чуть напряжённее.

Растаможка.

Илья хмыкнул про себя.

Даже в другом мире бюрократия произрастает и грозит дожить до конца цивилизации.

Он остановился чуть в стороне, наблюдая.

Какой-то гладковыбритый дворф яростно спорил с нагом над раскрытым ящиком. Второй пересчитывал слитки меди. Третий орал на грузчиков с баржи.

И только один выглядел улыбчивым как торговец перечитавший Карнеги.

Невысокий даже по дворфийским меркам, но широкий как бочка, с длинной седой бородой, стянутой медными кольцами.

Он как раз хлопнул ладонью по плечу одного из нагов и громко расхохотался.

Высший змей не отреагировал вообще.

Илья направился к дворфу.

Тот заметил его быстро.

Скользнул взглядом по плечам, по орочьей морде, по рукам кузнеца.

И тут же расплылся в довольной ухмылке.

— О! А вот и покупатели пришли!

Голос был густой, хриплый и неожиданно весёлый.

— А я уж думал, местные змеи нас до утра мариновать будут!

Он сам шагнул навстречу Илье.

— Из каких будешь? Камнегривые? Рычуны? Или туробои?

Илья слегка нахмурился.

— Я не—

Но дворф уже махнул рукой.

— Да не стой столбом! Всё, закончили уже! Сегодня даже ни одной пошшины сверху не прикрутили!

Он снова расхохотался.

— Великий день! Надо срочно выпить, пока они не передумали!

И прежде чем Илья успел что-то сказать, дворф ухватил его за предплечье и уверенно потащил прочь от причалов.

— Пошли, пошли! Нечего среди бумаги стоять! От неё даже камень крошится!

Илья пару секунд всё же пытался вставить слово.

Безуспешно.

Дворф говорил слишком быстро.

Они прошли вдоль складских платформ к одному из грузовых зданий.

Оно тоже было пирамидальным, как почти всё у нагов, но выглядело куда грубее жилых ярусов. Узкое кверху, с толстыми стенами и множеством раскрытых грузовых проёмов.

На вершине медленно вращался огромный кран.

По рельсам вверх полз очередной грузовой поддон — ящики, стянутые цепями. Когда подъёмник достиг нужного уровня, часть стены разошлась в стороны, и груз с глухим стуком скрылся внутри здания.

Почти сразу кран начал разворачиваться к другой стороне пирамиды.

Работал он без остановки.

По всем четырём граням.

— Люблю этих змеюк, — довольно пробормотал дворф.
— Жуткие твари. Но строить умеют.

Он толкнул тяжёлую дверь плечом.

Внутри пахло мокрой древесиной, пылью и пряностями.

Повсюду стояли ящики, тюки ткани, бочки, клетки с какими-то шипящими тварями. Несколько гладковыбритых дворфов продолжали таскать грузы, едва взглянув на вошедших.

Бородатого они явно знали хорошо.

— Так! — дворф наконец отпустил руку Ильи. — Раз уж пришёл первым — будешь первым пить!

Он стукнул себя кулаком в грудь.

— Старейшина Пелл из рода Шерстяных Карманов! Клан Звонкой Меди! Славный город Сияющие Гроты!

Он произнёс это с таким пафосом, будто представлял минимум короля.

Илья только сейчас обратил внимание, что остальные дворфы вокруг гладко выбриты.

Вообще.

Ни усов, ни бород.

Только у Пелла седая борода спадала почти до пояса.

Старейшина.

Вот почему.

Жжёным камнем.

И чем-то крепким настолько, что глаза начинали слезиться ещё до глотка.

Пелл хлопнул кружкой по столу.

— За честную торговлю!

— Не чокаясь! — гаркнул кто-то из дальнего угла.

— Мы ещё не все деньги потеряли, дурень!

— Это пока, я вам говорил что столько горных слез мы тут не продадим!

— Значит остаток выпьем сегодня!

И снова смех.

Дворфы вокруг резко изменились.

Там, на причале, они были торговцами — собранными, осторожными, постоянно считающими.

Здесь же словно сбросили чужую шкуру.

Орали.

Толкались.

Ржали.

Спорили одновременно о цене меди, качестве пива и о том, сможет ли орк выпить слезы гор не сдохнув.

Особенно жарко обсуждали последнее.

— Морда у него крепкая.

— Морда — да. А вот печень...

— Да ладно, орки вообще жрут всё подряд.

— Вот и проверим!

Пелл ткнул пальцем в Илью.

— Если свалится — продаём змеям как экзотическое мясо!

— Тогда уж как ездовое животное!

— Или грузчикам в помощь!

— Слишком страшный! Дети пугаться будут!

Музыка появилась будто сама собой.

Сначала один дворф притащил длинную доску, покрытую металлическими пластинами с вырезанными рунами. Уселся в угол, положил пальцы на ряды кнопок — и помещение заполнил низкий гудящий звук.

Инструмент напоминал синтезатор.

Если бы синтезатор собирал безумный кузнец.

Руны под пальцами вспыхивали тусклым светом, а звук дрожал, будто внутри пела сама медь.

Второй музыкант поставил перед собой две круглые пла-

стины одна над другой. Между ними тянулись тонкие трубки. Он одновременно нажимал кнопки и дул внутрь инструмента, заставляя звук переливаться — от низкого рокота до резкого, почти свистящего воя.

Третий был проще всех.

Два барабана.

Но бил он так, что стены начинали вибрировать.

Ритм подхватили сразу.

Кто-то застучал кружками по столу.

Кто-то начал отбивать ногой.

И вдруг один из дворфов запел.

Голос был хриплый, тяжёлый, словно тёрся о камень.

Другие подхватили почти сразу.

Песня оказалась не про золото.

Не про битвы.

Про дорогу.

Про сырые тоннели.

Про груз, который нужно дотащить любой ценой.

Про друзей, умерших где-то между городами.

Про то, что дворф может сдохнуть в шахте, в бою, в канаве или под обвалом — но если род помнит имя, значит прожил не зря.

Илья молча пил и слушал.

Смотрел, как гладковыбритые торговцы, ещё недавно похожие на обычных работяг, постепенно превращаются во что-то другое.

В народ.

Старый.

Упрямый.

Слишком живучий, чтобы исчезнуть.

Пелл тем временем уже обнимался с каким-то музыкантом и орал песню мимо ритма.

— А потом этот змей говорит мне: “Пошлина на перевозку соли”!

— И?

— А я ему: “Да чтоб тебя собственный хвост задушил!”

Стол взорвался хохотом.

— И что он?

— А ничего! Он не понял половину слов!

Дворфы заржали ещё громче.

Кто-то уже лез танцевать между бочками.

Кто-то спорил о качестве орочьих топоров.

Кто-то спал прямо за столом лицом в кружке.

А Илья неожиданно поймал себя на странной мысли.

Впервые за долгое время он сидел не среди чужих.

Не среди нагов.

Не среди выживших людей.

Не среди испуганных детей.

А среди существ, которые слишком хорошо понимали, каково это — терять всё и всё равно продолжать жить так, будто завтра снова будет новый день, дорога и очередная кружка дешёвого пойла.

Именно в этот момент сверху что-то тихо зашуршало.

Не сразу.

Сначала дрогнула одна из потолочных цепей.

Потом в тени между балок мелькнула длинная тёмная фигура.

Музыка оборвалась почти мгновенно.

Даже Пелл заткнулся на полуслове.

Илья поднял голову.

С потолка вниз медленно свисал наг.

Огромный.

Тёмно-зелёный, с тускло поблёскивающей чешуёй и металлическими пластинами офицерской сбруи. Хвост обвивал балки где-то наверху, а верхняя половина тела плавно покачивалась над столами.

Жёлтые глаза медленно скользнули по помещению.

Наг раскрыл пасть.

— Ну что-о-о...

Шипящий голос растёкся по складу.

— Незаконное распитие...

Пауза.

— Незаконная музыка...

Ещё пауза.

— Незаконное скопление дворфов...

Кто-то из гладкомордых тихо выругался.

Илья нахмурился.

Наг тем временем плавно потёк вниз.

Без единого резкого движения.

Тело перетекло между столами и ящиками так мягко, будто костей у него вообще не было. Хвост соскользнул с балки, тяжело лег на пол, и через секунду наг уже расположился горизонтально среди столов.

Очень большой.

Очень трезвый на вид.

И очень недовольный.

— По законам города Наари...

Он медленно повернул голову к Пеллу.

— Всех вас следует переработать через желудок плодоходки.

Тишина стала абсолютной.

Илья уже начал медленно подниматься из-за стола.

Потому что плодоходки он видел.

И умирать внутри гигантского сельскохозяйственного комбайна ему совершенно не хотелось.

Наг выдержал паузу ещё пару секунд.

А потом Пелл тяжело вздохнул.

— Низ... ты либо пей, либо убивай уже быстрее.

Тишина треснула.

Наг резко дёрнул языком и издал странный булькающий звук.

Очень старательную имитацию смеха.

Потом молниеносно метнулся вперёд и сграбастал Пелла кольцами хвоста.

— Пеееелл...

Голос мгновенно стал почти довольным.

— Ты очень долго ездил...

Пелл захохотал и хлопнул нага по плечу.

— Так торговля сама себя не наторгует!

— Я начал думать... что тебя утопили...

— Да кому я нужен кроме тебя!

Низ снова забулькал своим жутковатым смехом.

— Не дай Великий Поток... что ты привёз мало слёз...

— Оскорбляешь!

Пелл стукнул кружкой по столу.

— Да у меня половина трюма только под них!

Илья сидел и пытался понять, что вообще происходит.

Пока наконец не почувствовал запах.

От нага пахло брагой.

Сладкой медовой дворфийской дрянью.

Причём пахло сильно.

Пелл заметил его взгляд и расплылся в довольной ухмылке.

— А-а-а... вот теперь вижу! Ты ещё не знаешь нашу главную победу над змеиным народом!

Низ важно выпрямился.

— Это была диверсия.

— Это была дегустация! — рывкнул кто-то из дворфов.

Стол взорвался хохотом.

Наг возмущённо зашипел.

— Меня обманули...

— Ты сам выпил три кружки!

— Потому что первая была хорошая!

— А потом ты решил проверить остальные!

Низ снова забулькал своим странным смехом.

— Теперь Великий Поток иногда двоится...

— А иногда у тебя хвост с лестницы падает!

— Это была стратегическая ошибка...

— Это была бочка!

Наг с достоинством отвернулся.

— Я комендант этого района.

Пауза.

— Мне необходимо понимать дворфью угрозу изнутри.

— Конечно-конечно, — закивал Пелл. — Особенно изнутри третьей бочки.

Музыканты осторожно снова начали играть.

Барабаны вернули ритм.

Рунные пластины загудели мягким металлическим звуком.

Низ тем временем уже свернулся рядом со столом и совершенно по-хозяйски подтянул к себе кружку.

— Так...

Он медленно обвёл дворфов взглядом.

— Кто первый рассказывает... почему у вас в документах двадцать ящиков меди...

Пауза.

— А разгружали сорок три...

Утро оказалось ещё хуже, чем Илья предполагал.

Голова гудела так, будто внутри черепа кто-то всю ночь дробил руду. Во рту стоял вкус дешёвой браги, меди и чего-то подозрительно напоминающего машинное масло.

Он сидел за длинным столом, тяжело опираясь локтями о дерево, и мрачно смотрел в кружку с мутной серой жижей.

— Пей, — повторил Пелл.

— Я от этого сдохну.

— Тогда хоть перестанешь морщиться как недовольный тур.

Старейшина сам выглядел подозрительно бодрым. Только чуть покрасневшие глаза выдавали, что вчера он выпил не меньше остальных.

В помещении постепенно просыпались дворфы.

Кто-то хрипел.

Кто-то матерился.

Один гладкомордый вообще спал лицом в барабане.

В дальнем углу свернувшийся кольцами Низ тихо шипел во сне.

— ...ещё кружечку государственной угрозы...

Пелл уважительно кивнул.

— Растёт над собой.

Илья всё же выпил мутную дрянь.

Желудок попытался восстать.

Но через пару секунд мир действительно стал чуть менее враждебным.

— Во-о-от, — довольно протянул Пелл. — Теперь можно разговаривать как разумные.

Илья мрачно посмотрел на него.

— Сильно сомневаюсь.

Пелл только заржал и уселся напротив.

Некоторое время они молчали.

Снаружи уже шумел просыпающийся порт. Где-то наверху гремели краны, скрипели рельсы, плескалась вода под колесными баржами.

Рабочий день начинался.

Пелл первым нарушил тишину:

— Так чего ты вчера хотел-то? А то мы как-то быстро перешли к дипломатии.

— Это у вас дипломатия так называется?

— Конечно. Пока все пьяные — никто не врёт.

С этим Илья спорить не стал.

— Я от Лиры пришёл.

Пелл сразу перестал улыбаться.

Не резко.

Просто стал внимательнее.

— Вот как.

Илья медленно кивнул.

— Лира, дочь мастера Дурга Медобородого из южных холмов...

Он поморщился, вспоминая формулировки.

— Просит передать весть. Мастер Дург Медобородый пал, защищая женщин и детей рода при отходе. Кровь рода жива.

Пелл несколько секунд молчал.

Потом тяжело выдохнул.

— Хреновые времена.

Без пафоса.

Без трагедии.

Просто усталая констатация.

Он провёл ладонью по бороде.

— Передадим.

Илья чуть расслабился.

— Спасибо.

— Не мне спасибо. Роду если ответят.

Пауза.

— А ты ей кто?

— Учился у Дурга.

Пелл приподнял бровь.

— Серьёзно?

— Ну.

Старейшина хмыкнул.

— Старый мастер взял орка в ученики... Смешно.

Он явно не до конца верил.

— И чему успел научить?

— Работать.

— Это все так говорят.

Пелл задумчиво почесал бороду.

Потом махнул рукой одному из проснувшихся дворфов.

— Эй, тащи сюда топор.

— Зачем?

— Проверять будем.

Через минуту перед Ильёй уже лежал старый топор с треснувшим топорщиком.

— Ну? — Пелл кивнул на него. — Что скажешь?

Илья взял инструмент в руки.

Покрутил.

— Баланс ушёл.

— Это и я вижу.

— Клин в проушине разбух от влаги.

Пелл чуть кивнул.

— Дальше.

— Сталь перегревали при перековке.

— Почему?

— Цвет повело.

Пелл прищурился.

— А это?

Он ткнул пальцем в кромку.

— Точили неправильно. Повели угол.

Старейшина неожиданно довольно оскалился.

— Ага... вот теперь уже похоже на ученика.

Один из гладкомордых, слушавший разговор, вдруг нахмурился.

— Погодите...

Он медленно посмотрел на Илью.

— Так он мастеровой?

— Вроде того, — буркнул Илья.

Дворф аж скривился.

— Так чего он без бороды сидит?!

Пелл секунду смотрел на орка.

Потом трагически закрыл глаза.

— Великие жилы... а ведь и правда.

Сразу началась возня.

— Тащи шерсть!

— Серую не бери, она линяет!

— У меня есть нормальная!

— Не может мастер без хвостов ходить!

Илья даже понять ничего не успел, как к его морде уже начали примерять какие-то шерстяные космы.

— Да держи ровнее!

— У него башка слишком здоровая!

— Может на клей посадить?

— Не надо на клей!

Пелл ржал так, что едва со стула не упал.

— Смотри какой красавец получается!

— На больного яка похож.

— Но уже уважаемого!

В итоге один из дворфов всё-таки прилепил Илье две короткие шерстяные косицы.

Торжественно.

Как награду.

— Вот! — довольно заявил он. — Теперь хоть понятно, что не грузчик.

Илья посмотрел на отражение в полированной медной пластине.

И молча сорвал всё к чёрту.

Стол взорвался хохотом.

— Дикий народ...

— Никакого уважения к традициям...

— Потому и без бород ходят!

Пелл вытер слёзы от смеха и снова уселся напротив.

— Так чего у змеюк сидишь? Если ремесло знаешь — перебирайся в Гроты.

Илья пожал плечами.

— И сколько это стоит?

Пелл мгновенно стал серьёзнее.

Даже голос изменился.

Торговец.

— Для подмастерья — пятьдесят золотых.

Илья тихо присвистнул.

— И это только за вход.

— Чего?

— Поручительство, жильё, оформление, место в списках. Думаешь, города сами себя содержат?

Пауза.

— И при себе нужно иметь хотя бы столько же.

— Зачем?

На него посмотрели как на идиота.

— Ты мастер или нищий?

Пелл развёл руками.

— Уважающий себя ремесленник не станет жить в дешёвых норах рядом с грузчиками и забойщиками.

Илья задумчиво потёр висок.

Сумма была огромной.

Даже без учёта еды.

— Ну... — он помедлил. — Я не один.

Пелл прищурился.

— Баба?

— Две лесные эльфийки.

Тишина повисла мгновенно.

Один из дворфов аж поморщился.

— Выбрось гадость из дома.

— Они дети.

— Тем более. Пока мелкие — привязываются.

Пелл задумчиво почесал бороду.

— Везти их — по пятьсот с каждой.

Илья даже решил, что ослышался.

— Сколько?!

— И это если кто-то вообще согласится.

Пелл пожал плечами.

— Лесных у нас не любят.

— Почему?

— Странные.

— Дикие.

— Живут как зверьё.

— И домовладельцы с ними связываться не захотят.

Сказано это было спокойно.

Без злобы.

Просто как факт.

И именно от этого внутри стало особенно паршиво.

Глава 7. Водосброс

Шум воды здесь не затихал никогда.

Даже ночью.

Огромные потоки с верхних ярусов города срывались вниз через каменные желоба, били в решётки, уходили в нижние каналы и дальше — под город, в какие-то глубинные системы Наари, о которых Илья даже не хотел задумываться. Воздух был влажным и прохладным. Камень под ногами скользил от постоянной водяной пыли.

Илья стоял у края технического прохода и смотрел вниз.

Не на воду.

На уклон.

На расстояния.

На то, куда можно будет пустить поток.

За спиной тяжело шуршал хвост Низа.

— Всё ещё считаю... — лениво протянул наг, — что это дерьмовая идея.

Илья даже не обернулся.

— Зато рабочая.

— Дуролом... тут технический ярус.

Низ раздражённо махнул рукой вокруг.

— Здесь никто не живёт потому что здесь шумно, сыро и постоянно что-то течёт.

— Потому мне и подходит.

Наг тихо зашипел себе под нос.

Сегодня он был заметно расслабленнее обычного. Но не валился, не путался в словах — наоборот. Становился каким-то слишком разговорчивым и собранным.

Позади них, держась шагах в двадцати, двигались два крушителя.

Огромные даже по меркам нагов.

Тяжёлые панцирные пластины на груди, широкие хвосты, копыта за спинами. Оба смотрели строго вперёд, старательно делая вид, что не слышат разговор коменданта.

Низ покосился на них и тихо фыркнул.

— Видишь?

— Что?

— Они опять делают вид что я просто харизматичный.

Илья коротко хмыкнул.

— А ты не харизматичный?

— Я великолепен.

Наг важно выпрямился.

— Просто никто не понимает почему.

Он задумчиво качнул хвостом.

— Иногда мне кажется... если бы ваши дворфы не появились... я бы так и прожил нормальным нагом.

— Какая трагедия.

— Не смейся.

Низ ткнул когтем себе в грудь.

— Между прочим я уважаемый комендант района.

— Который прячет бочки по складам.

— Это называется стратегический резерв.

Илья всё-таки усмехнулся.

Низ некоторое время молча полз рядом, потом снова заговорил:

— Я всё ещё не понимаю зачем тебе именно это место.

— Вода.

— Вода везде.

— Не такая.

Илья наконец присел у края очередного канала.

Вода уходила вниз с чудовищной силой.

Если поставить колесо...

Нет.

Два.

И увести часть потока ниже...

Он уже почти видел всё это.

Литейную.

Не кузню.

Не бесконечное долбление металла молотами.

Формы.

Поток расплава.

Механизацию.

Пусть грубую.

Пусть примитивную.

Но такую, где один человек сможет делать работу десятка.

Низ наблюдал за ним пару секунд.

Потом тяжело вздохнул.

— Вот поэтому тебе и дали это место.

Илья поднял взгляд.

Наг пожал плечами.

— Ты обещал делать работу десяти нагов... а оплату брать как пять.

Пауза.

— Для потока это выгодно.

Илья криво усмехнулся.

— Звучит прагматично.

— Так и задумывалось.

Низ качнул хвостом в сторону каналов.

— Обычно поток просто перераспределяет полезное.

Илья промолчал.

Он уже начал понимать, как устроен город нагов.

Они почти не мыслили деньгами.

Не так, как люди.

И не так, как дворфы.

Если ты полезен потоку — тебе выделяют ресурсы.

Если бесполезен — поток обтекает тебя дальше.

Без злобы.

Без жалости.

Как вода.

Низ снова зашипел:

— И всё равно... я бы на твоём месте свалил.

— Куда?

— Да хоть к дворфам.

Он мечтательно прикрыл глаза.

— Представь... огромные города... никто не запрещает бухло... половина мастеров ходит пьяная... вторая половина орёт песни...

Пауза.

— Красота.

— Так езжай.

Низ открыл глаза.

Несколько секунд молчал.

— Не могу.

— Почему?

Наг снова симитировал улыбку.

— Потому что за меня сделали выбор.

Они двинулись дальше вдоль водосброса.

Шум воды гремел между стен.

— Знаешь... — продолжил Низ. — Я не понимаю тебя.

— Не сомневаюсь.

— Нет правда.

Наг ткнул когтем в сторону города.

— У тебя уже есть возможность уйти одному.

Пауза.

— Но ты вместо этого тянешь за собой двух мелких лесных катастроф.

Илья хмыкнул.

— Очень уважительное описание.

— Я старался.

Низ некоторое время молчал.

Потом вдруг спросил:

— Почему?

— Что почему?

— Почему остался.

Илья долго не отвечал.

Смотрел вперёд.

На тёмные каналы.

На огни нижних ярусов.

— Мне нужны те, кто будет меня ждать.

Низ чуть прищурился.

— Девочки?

— Да.

Пауза.

— Пусть вырастут.

Он пожал плечами.

— Пусть они и используют меня как думают в темную.

— Звучит жалко.

— Может быть.

Илья усмехнулся.

— Но если жить ради чего-то... то вот ради такого.

Низ долго молчал.

Потом тихо фыркнул.

— Не верю.

— Во что?

— Что у тебя нет других желаний.

Илья нахмурился.

— Есть работа. Есть планы.

— Это не желания.

Низ ткнул в него когтем.

— Это способы не думать.

— Ты сейчас договоришься.

— Нет.

Наг качнулся ближе.

— Ты просто зелёномордый ссыкун.

Илья медленно повернул голову.

— Чего?

— Боишься признаться себе чего хочешь на самом деле.

— Я тебе хвост оторву.

— Вот. Уже честнее.

Илья хотел огрызнуться.

Но неожиданно поймал себя на том, что действительно задумался.

Потому что наг попал точно.

Он замедлил шаг.

— Наверное... — медленно произнёс Илья, — я хотел бы изучать магию.

Низ удивлённо моргнул.

— О.

Пауза.

— Вот это уже похоже на настоящее.

Илья криво усмехнулся.

— Только бесполезно.

— Почему?

— Шаманы меня искалечили.

Низ нахмурился.

— Повредили каналы?

— Я не знаю.

Илья пожал плечами.

— Я вообще никогда не чувствовал ману.

Пауза.

— Говорили что нужно обучение... медитации... ещё какая-то хрень...

Он раздражённо махнул рукой.

— Но шаманы после своих ритуалов сказали что я испорчен.

Низ некоторое время молчал.

Потом неожиданно спокойно сказал:

— Думаю это можно исправить.

Илья даже остановился.

— Чего?

— Ну... если проблема в теле.

Наг пожал плечами так, будто речь шла о треснувшей телеге.

— Значит нужно другое.

Что-то неприятно кольнуло внутри.

— В смысле другое?

— Нормальное.

Низ совершенно спокойно продолжил:

— Выращивается новая основа... потом перенос... потом адаптация...

Илья медленно нахмурился.

— Подожди.

Наг уже увлёкся объяснением.

— Если нервная система живая — всё вообще довольно просто...

— Низ.

— Да?

— Какой ещё перенос?

Наг посмотрел на него с лёгким непониманием.

— Тебя.

Пауза.

— В новое тело.

Мир будто стал чуть тише.

Даже шум воды куда-то отодвинулся.

Илья несколько секунд просто смотрел на нага.

Пытаясь понять, шутит тот или нет.

Низ не шутил.

Вообще.

— Подожди... — медленно произнёс Илья. — Ты сейчас о чём вообще говоришь?

Наг удивлённо качнул головой.

— О лечении.

— Это не лечение нихера.

— Почему?

— Потому что ты сейчас спокойно рассказываешь как меня разобрать нахрен.

Низ несколько секунд молчал.

Потом искренне не понял:

— Ну да.

Илье стало по-настоящему не по себе.

Не от слов даже.

От того, насколько спокойно они были сказаны.

Будто речь шла не о живом существе.

А о сломанном механизме.

Низ тем временем продолжал:

— Твоё текущее тело всё равно не очень удачное.

— Спасибо.

— Я серьёзно.

Наг ткнул когтем ему в грудь.

— Слишком тяжёлое. Медленная регенерация. Плохая адаптация к потокам. Ограниченная нервная пластичность...

— Хватит.

Илья вдруг почувствовал, как по спине проходит холод.

— Ты сейчас говоришь так, будто это нормально.

Низ моргнул.

— А это не нормально?

Пауза.

И тут Илья впервые по-настоящему испугался нагов.

Не армии.

Не власти.

Не силы.

А именно их.

Того, насколько иначе они смотрят на жизнь.

Низ же, кажется, только сейчас начал понимать реакцию орка.

— Дуролом...

— Меня там что... растворят нахрен?

— Ну... частично.

— ЧАСТИЧНО?!

Крушители позади впервые заметно напряглись.

Низ быстро поднял руки.

— Да тише ты!

— ТИШЕ?!

Илья смотрел на него уже почти с ужасом.

А наг вдруг осторожно произнёс:

— Ты слишком держишься за форму.

Пауза.

— Это просто мясо.

Слова Низа всё ещё крутились в голове.

Причём больше всего пугало даже не само предложение.

А то, насколько спокойно наг о нём говорил.

Будто речь шла не о живом существе.

А о замене сломанной детали.

И всё же...

Илья поморщился.

Предложение было слишком заманчивым, чтобы просто выбросить его из головы.

Магия.

Не шаманские фокусы.

Не костры и пляски.

Настоящая магия этого мира.

То, что меняло города.

Армии.

Цивилизации.

Он медленно провёл ладонью по лицу.

— Хрен его знает...

Если наги действительно способны исправить тело...

Если после этого можно будет чувствовать ману...

Пауза.

— То это уже совсем другой расклад.

Он мрачно усмехнулся себе под нос.

— Только бесплатно никто тут ничего делать не станет.

Это Илья уже понял слишком хорошо.

У нагов могли не любить деньги так, как люди или дворфы.

Но цену они понимали прекрасно.

Просто измеряли её иначе.

Ресурсами.

Полезностью.

Потоком.

И если ради какого-то орка придётся выращивать целое новое тело...

Он даже представлять не хотел, сколько это может стоить.

Илья поднял взгляд на тёмные ярусы города.

Потом медленно кивнул сам себе.

— Значит сначала заработать.

Спокойно.

Без эмоций.

Как ещё одну задачу.

Только теперь где-то глубоко внутри впервые за долгое время шевельнулось что-то похожее не на необходимость.

А именно на желание.

Следующим вечером в отдельном кабинете Пелла.

Пелл слушал молча.

Что уже было плохим знаком.

Обычно старейшина Шерстяных Карманов не затыкался даже во сне. Но сейчас он сидел за широким столом между разложенных чертёжных пластин, медленно крутил в пальцах кружку и всё меньше походил на весёлого торговца.

Илья как раз дочертил очередную схему.

— Вот здесь пойдёт вал.

Он провёл углём линию.

— От водяного колеса. Четыре дробилки одновременно.

Пелл молчал.

— Потом транспортирная лента.

— Чего?

— Лента.

Илья ткнул пальцем дальше.

— С просеивателями. Крупная фракция обратно в дробилки. Мелкая — в промывочную.

— Во что?

— Да обычный промывочный короб.

Он уже начал раздражаться.

— Потоком воды шлак и мусор вымывать.

Пелл медленно почесал бороду.

Очень медленно.

Илья продолжил:

— Потом руда идёт в печь.

Пауза.

— Небольшую.

— Насколько небольшую?

— Ну... тонны на три.

Пелл перестал чесать бороду.

Вообще.

Илья этого даже не заметил.

Он уже рисовал дальше.

— Тут меха. Тоже от привода.

— От привода...

— Да.

— Механические...

— Да.

— На домну...

— Да.

Тишина стала какой-то неправильной.

Но Илья всё ещё не замечал.

— Дальше разливочная.

Он уверенно чертил схемы.

— Формы вот тут. Потом прессовочная. И механические молоты для первичной обработки.

Пауза.

— Если всё нормально пойдёт, то можно будет—

— Дуролом.

Илья наконец поднял голову.

Пелл смотрел на него очень внимательно.

Без улыбки.

Совсем.

— Ты сейчас завод описал.

— Ну да.

— “Ну да”...

Старейшина откинулся на спинку стула и некоторое время просто молчал.

Потом медленно выдохнул.

— Дург совсем из ума выжил...

— В смысле?

Пелл ткнул пальцем в схемы.

— В прямом.

Пауза.

— Ты хоть понимаешь, что нарисовал?

— Понимаю.

— Нет, не понимаешь.

Старейшина наклонился ближе.

— Четыре дробилки на одном приводе...

Ткнул когтем дальше.

— Сортировка потока...

Ещё дальше.

— Механические меха...

И наконец остановился на печи.

Надолго.

— И домна.

Илья нахмурился.

— Ну да.

Пелл вдруг коротко хохотнул.

Без веселья.

— “Ну да”.

Он покачал головой.

— Да тебя за одни эти рисунки некоторые рода бы уже на ремни пустили.

Илья медленно выпрямился.

— Чего?

— Доменные печи запрещены вне дворфьих городов.

Тишина.

— Что?

— То.

Пелл ткнул когтем по пластине.

— Это не кузня, Дуролом.

Пауза.

— Это основа силы городов.

Он медленно провёл ладонью по бороде.

— Большая выплавка — большие армии.

— И?

— И потому никто не позволит каждому идиоту строить домны где попало.

Илья несколько секунд молчал.

Потом нахмурился ещё сильнее.

— Подожди... ты отказываешься?

— Конечно отказываюсь!

Пелл аж всплеснул руками.

— Ты мне тут предлагаешь фактически незаконное производство построить!

— Но средств хватает?

— Более чем.

Старейшина ткнул кружкой в сторону пластин.

— Твои сто семьдесят золотых плюс ресурсы от змеюк — это вообще не проблема.

Пауза.

— Особенно если часть механизмов делать грубо и без украшений.

Илья медленно выдохнул.

— Тогда в чём проблема?

Пелл уставился на него как на полного идиота.

— В том, что ты нарисовал запрещённую хрень!

Он понизил голос.

— И вообще по-хорошему мне сейчас стоило бы сделать вид, что этого разговора не было.

Пауза.

— А тебе проломить голову до того как слухи поползут дальше.

Илья мрачно усмехнулся.

— Очень дружелюбно.

— Это ещё дружелюбно.

Пелл ткнул пальцем ему в грудь.

— Потому что ты ученик Дурга.

Пауза.

— И потому что я теперь хочу понять, какого демона старый псих вообще тебе это рассказывал.

Некоторое время оба молчали.

Потом Пелл тяжело вздохнул.

— Ладно.

Он снова посмотрел на схемы.

Долго.

Слишком долго.

— Значит так.

Старейшина медленно поднял палец.

— Всё кроме домны — сделаем.

Илья прищурился.

— Сколько?

— Сто двадцать.

— Нормально.

— Из ресурсов, что дают наги.

— Нормально.

Пелл наклонился ближе.

— И десять процентов.

— Чего?

— Прибыли.

Пауза.

— За молчание.

Илья аж усмехнулся.

— Шантаж?

— Дуролом... ты сейчас сидишь и спокойно обсуждаешь строительство полузапрещённого производства под боком у нагов.

Пелл развёл руками.

— Конечно шантаж.

Илья несколько секунд смотрел на него.

Потом всё-таки кивнул.

— Ладно.

— Вот и хорошо.

Пелл довольно откинулся назад.

— А домну...

Он снова ткнул в рисунок печи.

— Раз ты такой умный — проектируй и строй сам.

Пауза.

— Без участия моего рода.

— Боишься?

— Конечно боюсь.

Старейшина даже не стал спорить.

— Я торговец, а не самоубийца.

Потом вдруг усмехнулся.

— Но знаешь что самое паршивое?

— Что?

Пелл медленно покачал головой.

— Мне очень хочется посмотреть, что у тебя получится.

По пути домой город начал затихать.

Не полностью — Наари вообще никогда не спал по-настоящему. Где-то наверху всё ещё двигались платформы, в глубине ярусов гудели кузни, а по каналам продолжала течь вода. Но дневная суeta уходила. Потоки редели. Шум становился ниже и ровнее.

В пристройке уже горел свет.

Сея и Рея спали прямо за столом.

Точнее пытались.

Одна уткнулась лбом в сложенные руки, вторая ещё держалась, борясь со сном и периодически дёргая ушами. На столе лежала раскрытая учебная пластина нагов с какими-то схемами сопряжений.

Илья замер у двери.

Несколько секунд просто смотрел на них.

Потом тихо выдохнул и осторожно прикрыл дверь обратно.

Не стал будить.

Сам уселся снаружи, на влажный камень у стены.

Внизу ревел водосброс.

Перед глазами всё ещё стояли чертежи.

Валы, меха, дробилки, домна.

Пелл ведь даже не удивился самой идее.

Испугался — да.

Но не удивился.

А значит дворфы уже понимали, что это такое.

Понимали последствия.

Илья медленно провёл ладонью по лицу.

— Блядь...

Он ведь действительно чуть не вывалил всё как есть.

Спокойно.

За кружкой.

Будто обсуждал очередную кузню.

А потом начал вспоминать.

Землю.

Не конкретные места.

Ощущение.

Старые документалки.

Фотографии заводов.

Бесконечные цеха.

Конвейеры.

Горы угля.

Раскалённый металл.

Города, выросшие вокруг фабрик.

И войны.

Всегда войны.

Потому что дешёвое железо — это не только инструменты.

Это оружие.

Доспехи.

Армии.

Дороги.

Мосты.

Осадные машины.

Корабли.

Он медленно уставился в темноту каналов.

И впервые за всё время по-настоящему осознал: он ведь даже не инженер.

Не учёный. Почти мастер кузнец. Так... нахватался обрывков из своего мира. Жалкие куски знаний.

Но даже этих кусков уже хватило, чтобы старый дворф чуть за сердце не схватился.

Потому что Пелл понял главное.

Домна вне дворфьих городов — это уже угроза. Илья тихо усмехнулся. Только старейшина всё равно мыслил слишком мелко. Для него это был секрет ремесла.

Для Илья — начало промышленности. А промышлен-

ность всегда жрёт мир вокруг себя. Он вспомнил как легко сегодня объяснял:

— вал сюда;

— меха сюда;

— сортировка сюда.

Слишком легко.

Будто всё это само собой разумеется.

И от этого стало особенно неприятно.

Потому что он внезапно понял: если наги увидят всю картину — они не дадут ему спокойно жить.

Не потому что злые.

Наоборот.

Потому что слишком разумные.

Слишком рациональные.

Если один орк способен заменить десятки рабочих — его встроит в поток.

Размножат технологию.

Масштабируют.

Превратят в систему.

А вместе с системой придёт контроль.

Всегда приходит.

Илья медленно сжал пальцы.

Нет.

Нельзя.

Никаких больших цехов.

Никакой явной организации.

Никаких лишних рабочих.

Максимум — он сам.

И девочки как помощницы.

Чтобы со стороны всё выглядело как странная мастерская сумасшедшего орка, а не начало чего-то большего.

Иначе рано или поздно кто-нибудь начнёт задавать правильные вопросы.

Почему один орк производит столько металла.

Почему у него такие механизмы.

Откуда знания.

А потом кто-то обязательно захочет узнать, что ещё он знает.

И вот тогда всё станет совсем плохо.

Он вдруг вспомнил слова Низа:

«Это просто мясо.»

И впервые за вечер по-настоящему понял, насколько опасны обе цивилизации вокруг него.

Дворфы убьют за секрет.

Наги — встроят в поток.

А он сам сидит между ними с кусками знаний мира, который уже однажды пережил всё это.

Вода гремела внизу.

А Илья долго сидел в темноте, глядя на чёрные каналы Наари и впервые всерьёз думая о том, что некоторые вещи лучше бы вообще никогда не вспоминать.

Глава 8. Дни обнаженного камня

В Сияющих Гротах вода уходила медленно.

Не за день и не за ночь, а целыми неделями, глубины нехотя выпускали из себя камень. Сначала из подземных озёр показывались нижние причалы, обычно скрытые под тёмной водой. Потом обнажались ступени старых лестниц, уходивших к переправам. Ещё через несколько дней становились видны каменные арки древних проходов между гротами, а город воскрешал из недр памяти собственные нижние этажи.

Дворфы называли это временем Обнажённого Камня.

А в день когда вода вновь начинала прибывать - заключали крупные сделки, вспоминали старые долги, объявляли союзы и устраивали смотрины. Вода наступала, знаменуя наступление грядущего, и скрывала незначительные детали прошедшего. Для дворфов в этом был особый смысл. Всё настоящее должно было выдержать момент, когда его покажут.

В этот вечер один из великих кланов Сияющих Гротов принимал гостей.

Гостевой зал который использовался для смотрин располагался высоко над мастерскими.

Не рядом.

Не за стеной.

Именно над ними.

По последней моде пол в главном зале был собран из

огромных прозрачных плит, разделённых широкими непрозрачными полосами чёрного камня. Эти полосы делили пространство на четыре гостевых квадрата — по числу великих кланов города, приглашённых на событие.

Сам принимающий клан не занимал места среди гостей.

Для хозяев был выстроен отдельный альков у дальней стены: поднятый на несколько ступеней, обрамлённый колоннами из зеленого камня с медными прожилками. Оттуда было видно весь зал сразу. И гостей. И их троны. И то, что лежало под прозрачным полом.

А под полом работали мастера.

Сотни мастеров.

Длинные ряды столов тянулись вниз, в огромном освещённом пространстве мастерских. Одни дворфы гравировали рунические цепочки на броневидах пластинах. Другие наносили тонкие линии на медные стержни для артефактов. Третьи проверяли уже готовые узлы, подавая в них слабые импульсы маны через специальные кристаллы.

Сверху это выглядело красиво.

Мерцали руны.

Вспыхивали короткие огни.

Двигались руки.

Работа шла без остановки.

Сами мастера не видели гостей. Для них потолок оставался обычным тёмным камнем. Особые рунические цепочки пропускали свет только снизу вверх, и потому гостевой зал

мог любоваться мастерскими, а мастерские не могли поднять взгляд на тех, кто ходил над ними.

У разных родов были разные представления о том, чем следует гордиться. Одни устраивали залы над сокровищницами, чтобы гости ходили поверх гор золота и самоцветов. Другие показывали депо рунных ходоков — тяжёлых механизмов на мане, способных нести воина по каменным дорогам и нижним тоннелям. Третьи открывали взгляду архивы, древние карты, хранилища договоров или оружейные ряды.

Принимающий клан показывал мастерские.

Не готовые изделия.

Не золото.

Не воинов.

А тех, кто день за днём превращал родовые знания в товар, силу и влияние.

Это было заявление.

Не громкое, но очень ясное.

Первые гости начали прибывать ещё до заката.

Сначала вошли слуги и пометили границы гостевых квадратов. Затем появились носильщики, несущие разобранные троны. Каждый великий клан привозил свой трон сам. Как и столы. Так и посуду. Как и блюда. Так и напитки. Хозяева предоставляли зал, покои и развлечения, но кормить великого гостя чужой едой считалось почти неприличным.

Богатый род показывал себя сам.

В первом квадрате собрали тяжёлый трон из чёрного кам-

ня, украшенный серебряными вставками. Перед ним поставили низкий стол, покрытый чеканными блюдами, на которых уже дымились мясо, грибы и тёмный хлеб. Углы квадрата заняли четверо гвардейцев в пластинчатых доспехах. Ни один не двигался без нужды.

Во втором квадрате трон был ниже, но шире. Из полированного красного камня, с медными боковинами и высоким подголовником. Рядом слуги разложили серебряные кубки, тонкие ножи и плоские чаши с редкими пряностями. Здесь богатство показывали не весом, а вкусом.

В третьем квадрате поставили сразу два трона: старый и новый. Один потемневший от времени, с выбитыми на спинке именами прежних глав рода. Второй — свежий, ещё яркий, украшенный резными пластинами. Это было не просто удобство. Это было напоминание, что власть в роду не обрывается, а переходит из рук в руки вместе с камнем, кровью и правом.

Три великих клана пришли лично.

Не только главы.

Пришли их жёны.

Пришли старшие родичи.

Пришли матери возможных женихов.

И это значило больше, чем любые подарки.

Три главы великих кланов одновременно покинули собственные владения.

Для городов других рас это стало бы политическим кри-

зисом.

Для Сияющих Гротов — признанием того, что союз стоит потраченного времени.

Смотрины у великих кланов начинались с семей. Женихов не выводили вперёд, не заставляли кланяться и не давали им говорить красивые слова. Девушка должна была смотреть не на будущего мужа, а на род, который за ним стоит. На отца. На мать. На то, как они держатся. На то, как говорят со слугами. На то, как принимают честь и как скрывают раздражение.

Муж мог оказаться умным или глупым, сильным или слабым, весёлым или скучным.

Но замуж выходили не только за него.

Замуж входили в клан.

Гостей принимала невеста на выданье — дочь главы принимающего клана.

Она стояла в алькове рядом с пустующим креслом отца, но не за его спинкой. Сегодня именно она была лицом дома. Именно ей клан доверил первое суждение и ей же нужно было продумать организацию вечера. Её отец мог выбирать союз. Совет старших мог считать выгоду. Мастера могли взвешивать будущие контракты. Но по традиции в вечер смотрин девушка должна была увидеть семьи возможных избранников своими глазами. А ее отец отправился на смотрины к одному из сыновей присутствующих гостей.

И три семьи пришли.

Это было уважение.

Серьёзное.

Но четвёртый гостевой квадрат оставался странно пустым.

Трон там тоже стоял.

Богатый. Древний. С тёмной спинкой, покрытой золотыми прожилками, и широкими подлокотниками, на которых были вырезаны сцены старых побед. Стол был накрыт. Слуги меняли блюда точно так же, как в остальных квадратах. В кубки наливали вино. На каменных подставках лежали дары.

Четверо гвардейцев стояли по углам.

Лучшие доспехи.

Лучшее оружие.

Полное соблюдение формы.

Но внутри квадрата не было никого значимого.

Ни главы клана.

Ни его жены.

Ни наследника.

Ни даже официального представителя, который мог бы стоять у трона, не имея права на него сесть.

Только трон.

Только слуги.

Только гвардия.

Все видели это.

И все понимали.

Четвёртый великий клан не отказался от приглашения.

Это бы означало его слабость. Он прислал принадлежности для пира, показал богатство, выставил охрану, занял своё место в зале.

Но не прислал того, с кем можно говорить.

Это было оскорбление, вырезанное по всем правилам приличия.

В зале играла музыка. Слуги двигались спокойно. Под прозрачным полом мерцали руны, и мастера продолжали свою работу, не подозревая, что над их головами уже началась война улыбок, поклонов и пустых тронов.

Бранна заметила отсутствие части гостей ещё до того, как последний слуга закончил расставлять кубки.

Ей не нужно было смотреть на гербы.

Не нужно было спрашивать распорядителя.

Не нужно было искать взглядом знакомые лица.

Она и так знала чей квадрат останется пустым.

Клан Железного Щита.

Если бы можно было их охарактеризовать одним словом то подошло бы воители.

Главная головная боль её отца последние несколько лет.

Девушка медленно перевела взгляд на пустующий трон.

Красивый.

Старый.

Нарочито дорогой.

Таким тронем не хвастаются.

Таким тронем напоминают окружающим сколько поколе-

ний сидело на нём прежде.

Слуги двигались спокойно.

Гвардейцы стояли неподвижно.

Всё выглядело безупречно.

Настолько безупречно, что оскорбление становилось ещё заметнее.

Они пришли.

Но разговаривать не пожелали.

Бранна едва заметно вздохнула.

Глупо было надеяться на другое.

Последние три года совет великих кланов всё чаще заканчивался спорами.

Иногда громкими.

Иногда тихими.

Но всегда одинаковыми по сути.

Воители требовали больше оплаты за свои труды.

Что бы содержать больше гарнизонов.

Больше механотронов.

Больше складов.

Больше оружия.

Каждый раз звучали одни и те же слова.

Наги.

Разорённые человеческие земли.

Разрушенные города.

Беженцы.

Караваны с дурными новостями.

Каждый раз глава Железного Щита вставал и говорил, что опасность приближается.

Каждый раз остальные роды отвечали примерно одинаково.

Люди проиграли потому что были людьми.

У них не было глубинных городов.

Не было дворфийских крепостей.

Не было рунических орудий.

Не было механотронов.

Не было веков опыта войны под землёй.

Они были другими.

Слабее.

Хуже подготовлены.

И потому сравнивать их судьбу с судьбой Сияющих Грозов бессмысленно.

После чего спор начинался заново.

Воители говорили, что врага нельзя недооценивать.

Кузнецы спрашивали кто оплатит очередное расширение гарнизонов.

Шахтёры требовали новые штольни вместо новых казарм.

Банкиры показывали книги расходов.

А её отец спокойно доставал расчёты и доказывал, что ещё одна сотня воинов обойдётся городу дороже, чем создание новых узлов для обороны.

Все приводили разумные доводы.

Все были по-своему правы.

И никто не собирался уступить.

Бранна снова посмотрела на пустой трон.

Когда-то всё было проще.

Намного проще.

Она даже усмехнулась собственным воспоминаниям.

Много лет назад будущий наследник Железного Щита свалился с учебного механотрона прямо во время праздника Обнажённого Камня.

Тогда половина площади смеялась над незадачливым мальчишкой.

Сам он насупился и смотрел пещерным хряком на всех.

Спустя какое то время, на другом празднике весь вечер доказывал ей, что воители важнее инженеров.

Потому что любой механизм бесполезен без воина.

Бранна тогда заявила, что любой воин бесполезен без того, кто этот механизм придумал.

Они спорили до поздней ночи.

Каждый остался при своём мнении.

И каждый был уверен, что победил.

С тех пор прошло много лет.

Мальчишка вырос.

Она тоже.

Споры никуда не делись.

Только теперь спорили уже их отцы.

И последствия стали намного серьёзнее.

Все понимали, что союз Верных Рун и Железного Щита

сделал бы город сильнее.

Все понимали, что подобный брак выгоден обеим сторонам.

Все понимали, кроме самих глав родов.

Или наоборот.

Понимали слишком хорошо.

Потому что любой союз означал уступки.

Любая уступка означала признание правоты противника.

А признавать правоту никто не хотел.

Даже ради будущего собственных детей.

Музыка в зале стала громче.

Прибывали новые гости.

Слуги разносили напитки.

Под прозрачным полом продолжали работать мастера.

Сотни рук наносили руны, не подозревая, что над их головами решается куда большее чем судьба отдельных кланов.

Бранна отвела взгляд от пустого трона.

На мгновение ей показалось, что он выглядит честнее всех остальных присутствующих.

Он решил напомнить каждому в этом зале, что спор ещё не окончен.

Торгрим Железный Щит нашёл сына там, где и ожидал.

Рагнир стоял возле обзорной площадки, нависавшей над нижними причалами. Вода в озере медленно прибывала, пожирая каменные ступени, которые ещё неделю назад уходили далеко вниз.

Молодой дворф даже не обернулся.

Слишком задумался.

Торгрим усмехнулся в бороду.

— Если бы ты столько же думал над боем, сколько над дочерью Верных Рун, давно бы получил звание воина.

Рагнир вздрогнул.

Потом тяжело выдохнул.

— Я пришёл поговорить о будущем рода.

— Конечно.

Старый дворф подошёл ближе.

— Именно поэтому уже третий месяц смотришь на Бранну так, будто собираешься штурмовать крепость.

— Это выгодный союз.

— Разумеется.

— Верные Руны контролируют половину новых разработок города.

— Уже лучше.

— Если объединить наши рода...

— То что?

Рагнир замолчал.

Он ведь обдумывал этот разговор.

Не один день.

Но теперь почему-то слова начали разбегаться.

— Мы получим влияние.

— Нет.

— Почему?

— Потому что влияние придётся делить.

Торгрим облокотился на перила.

— Ты всё ещё мыслишь как ребёнок.

— Мне двадцать восемь.

— И лицо у тебя всё ещё слишком живое.

Рагнир поморщился.

Эту фразу он слышал уже много раз.

— Помнишь испытание на звание воина?

— Помню.

— Почему ты его провалил?

— Не успел заметить засаду.

— Нет.

Сын нахмурился.

— Тогда почему?

— Потому что любой идиот видел на твоём лице, что ты её не заметил.

Рагнир открыл рот.

Потом закрыл.

Торгрим хмыкнул.

— Ты хороший боец. Неплохой командир. Но скрывать мысли не умеешь совершенно.

Он ткнул пальцем в грудь сына.

— Сейчас, например, я вижу не политика.

— А кого?

— Молодого дурака, который пытается убедить меня в выгоде союза.

Пауза.

— Хотя на самом деле ему нужна девушка.

Рагнир отвернулся.

Что только подтвердило слова отца.

Несколько секунд оба молчали.

Внизу плескалась вода.

Где-то далеко стучали кузни.

— Она тебе нравится?

— Да.

— Хорошо.

Рагнир удивлённо посмотрел на отца.

— Хорошо?

— Конечно.

Торгрим пожал плечами.

— Бранна умна. Воспитана. Знает устройство узлов лучше половины мастеров. Если уж жениться, то хотя бы на достойной женщине.

— Тогда я не понимаю...

— Потому что ты ещё не научился смотреть дальше собственного носа.

Старый дворф тяжело вздохнул.

— Допустим вы поженились.

— Да.

— Допустим Верные Руны поддержали нас.

— Да.

— Что дальше?

— Мы станем сильнее.

— Насколько?

— Намного.

— И что тогда?

Рагнир начал раздражаться.

— Отец...

— Нет, отвечай.

— Мы сможем диктовать условия остальным кланам.

Торгрим рассмеялся.

Громко.

От души.

— Вот поэтому ты ещё не глава рода.

— Что смешного?

— Всё.

Он покачал головой.

— Ты правда думаешь, что после свадьбы глава Верных

Рун станет выполнять наши требования?

— Нет, но...

— Значит придётся договариваться.

— Это нормально.

— Это уступки.

Торгрим перестал улыбаться.

— Каждая договорённость — уступка. Каждая уступка

— потеря части власти. Каждая потеря власти оплачивается чем-то важным.

Он посмотрел в сторону города.

— А у меня накопилось слишком много претензий к этим идиотам.

Рагнир вздохнул.

Вот они и добрались до главного.

— Опять наги?

— Не опять. Всегда.

Голос старого дворфа стал жёстче.

— Уже два года мы теряем воинов.

— Это пограничные стычки.

— В которых погибло больше крови, чем некоторые кланы теряют за поколение.

Торгрим провёл ладонью по бороде.

— И знаешь что хуже всего?

— Что?

— Мы до сих пор не понимаем, с кем именно воюем. И куда бить в ответ.

Рагнир промолчал.

— Только недавно удалось выяснить, что это даже не весь народ нагов.

— Да знаю я.

— Нет.

Старый дворф резко повернулся к сыну.

— Не знаешь.

— ...

— Потому что если бы знал, то не называл бы это стычками.

Он ткнул пальцем в сторону города.

— Помнишь послов человеческого короля?

— Конечно.

— Что они просили?

— Убежища.

— И всё.

Рагнир пожал плечами.

— Не всё. Они хотели признания.

— Какого признания?

— Что их король равен главам великих кланов.

Торгрим кивнул.

— И что для этого требовалось?

Сын задумался.

— Разместить его трон в советном зале.

— Именно.

Старый дворф зло усмехнулся.

— Один трон, Рагнир. Один проклятый трон.

Он ударил кулаком по перилам.

— Не золото. Не земли. Не абсолютная власть над городом. Только место для трона. Что бы его могли услышать.

— Хотя и вправду наивно с его стороны, они даже меня командора рода что тысячелетиями хранит их задницы в тепле не слушают.

Вода внизу плеснула о камень.

Некоторое время слышен был только этот звук.

— И что потом?

Торгрим посмотрел на сына.

— Потом эти идиоты отказали.

— Потому что люди не дворфы.

— Потому что они глупцы.

Он снова ткнул пальцем в сторону города.

— Люди стали бы щитом.

— ...

— Их города стояли бы над нашими.

— ...

— Их поля кормили бы нас.

— ...

— Их солдаты приняли бы первый удар.

Старый дворф покачал головой.

— А теперь половина выживших ушла к оркам.

— Слышал.

— Стали думп.

— А остальные?

— Идут к мирным нагам.

Рагнир нахмурился.

— Думаешь они правы?

Торгрим долго молчал.

Очень долго.

Потом тихо ответил:

— Я думаю, что если люди готовы искать защиты одновременно у орков и у нагов...

Он посмотрел на поднимающуюся воду.

— То опасность намного ближе, чем кажется Верным Рунам.

И именно поэтому я не собираюсь уступать их главе ни сейчас, ни после ее свадьбы.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.